

39358

*Досрочно
вч. 4°*

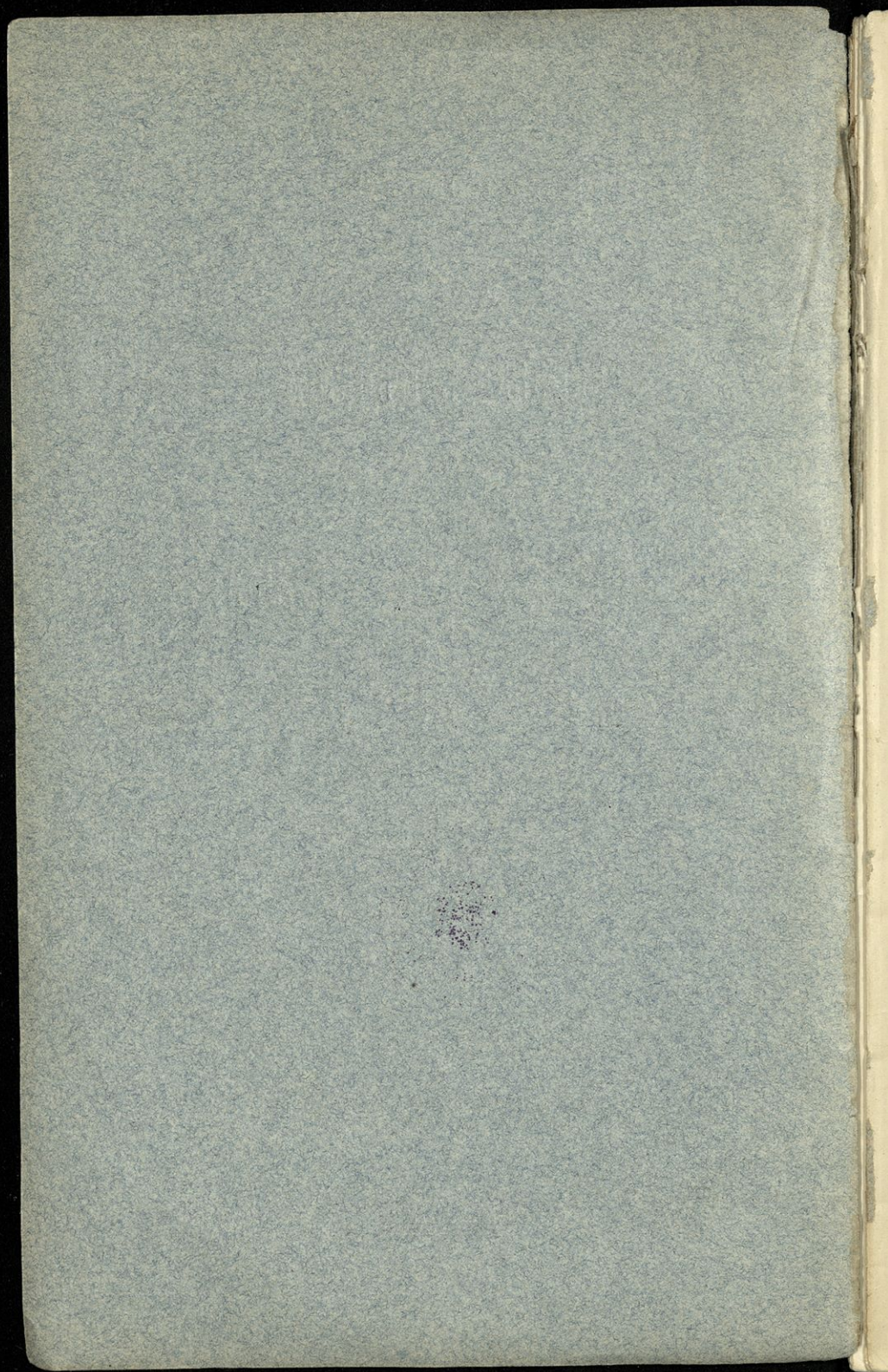

Р. М. ДЯПУНОВЪ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ
О
СЛОВѢНСКО-НѢМЕЦКОМЪ СЛОВАРѢ
ПЛЕТЕРШНИКА.

ОДЕССА.
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ» ТИПОГРАФІЯ, Почтовая, 48.
1903

Р. М. Ляпуновъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

О

СЛОВѢНСКО-НѢМЕЦКОМЪ СЛОВАРѢ

ПЛЕТЕРШНИКА.

ОДЕССА.

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ» ТИПОГРАФІЯ, ПОЧТОВАЯ, 43.

1902.

Печатано на основані постановленія Правленія Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.

Предсѣдатель Общества Проф. Н. Н. Ланге.

0300346706

Одно изъ крупнѣйшихъ явленій въ области разработки словянскаго языкознанія вообще и словѣнскаго въ частности за послѣднее десятилѣтїе представляетъ прекрасный словарь М. Плетершника (*Slovensko-nemški slovar izdan na troške rajnega knezoškofa ljubljanskega Antona Alojzija Wolfa uredil M. Pleteršnik*), начавшій выходить отдѣльными выпусками съ 1893 г. и закончившійся въ 1895 г. въ двухъ частяхъ, обнимающихъ XVI (*Priloge, Znamenja, Kratice*)+883+978+IX (*Dodatki in popravki*) страницъ. Вмѣстѣ со статьями покойнаго Облака, съ изслѣдованіями проф. Штрекля, съ обширнымъ трудомъ М. Валявца о словѣнскомъ удареніи, печатавшимся въ теченіе многихъ лѣтъ на страницахъ загребскаго «Рада», и съ замѣчательными изслѣдованіями Станислава Шкрабца, тонкаго знатока какъ современныхъ словѣнскихъ говоровъ, такъ и стараго словѣнскаго языка,—изслѣдованіями, которыя могли бы сдѣлать честь любому изъ лучшихъ европейскихъ лингвистическихъ журналовъ, но которыя большею частію скромно скрываются въ теченіе болѣе 20 лѣтъ на обложкахъ духовнаго журнала «*Svetje z vertov sv. Frančiška*» и остаются благодаря этому, къ сожалѣнію, мало извѣстными иностраннымъ ученымъ и даже русскимъ,—словарь Плетершника долженъ быть настольною книгой не только у занимающихся словѣнскимъ языкомъ, но и у изслѣдователей сравнительной фонетики словянскихъ языковъ вообще, подобно тому, какъ такой же настольною книгой словянскаго лингвиста является знаменитый словарь Вука Караджича.

Конечно, недостатокъ моихъ свѣдѣній въ словѣнскомъ языкѣ, въ особенности же недостатокъ непосредственнаго знакомства съ живыми говорами (я имѣлъ возможность слышать живую словѣнскую рѣчь лишь въ теченіе моего двухнедѣльнаго пребыванія въ Крайнѣ и Горицѣ лѣтомъ 1901 года) мѣшаетъ мнѣ сдѣлать надлежащую оцѣнку труда Плетершника. Если тѣмъ не менѣе я отваживаюсь взять на себя хотя часть подобной задачи, то лишь потому, что могу руководствоваться указаніями знатковъ словѣнскаго языка и въ особенности патера Стан. Шкрабца и покойнаго загребскаго академика Валявца.

О словарь Плетершника, сколько мнѣ извѣстно, не было подробной рецензій въ славянскихъ лингвистическихъ журналахъ. Только Облакъ помѣстилъ о первыхъ двухъ выпускахъ его статью въ XV-омъ томѣ (с. 594—601) «Archiv für slavische Philologie», но въ этой статьѣ онъ коснулся исторіи составленія словаря и его содержанія, лишь кратко отмѣчая фонетическое достоинство предлагаемаго матеріала и способъ передачи звуковыхъ оттѣнковъ словъ¹⁾. А затѣмъ за появленіемъ почти каждаго выпуска словаря постоянно слѣдилъ на обложкахъ своего «Cvetja» ревностный изслѣдователь и знатокъ словѣнскаго языка патеръ Стан. Шкрабецъ. Такъ, мы находимъ его замѣтки съ поправками и дополненіями не только количественнаго, но и качественного характера и при томъ не только относительно значеній словъ, но и относительно ихъ звуковой формы, на обложкахъ XI теѣ., 12 зв., XII теѣ., 2, 3, 10 зв., XIV теѣ., 11 и 12 зв., кромѣ частыхъ сопоставленій своей системы значковъ съ системою Плетершника въ разныхъ мѣстахъ «Cvetja». Кромѣ того, и авторъ обширнаго труда о словѣнскомъ удареніи указалъ кратко на особенность значковъ въ словѣнской части Вольфова словаря, редактированной Плетершникомъ, при чемъ онъ указалъ и на то, что за основаніе своихъ нововведеній проф. Плетершникъ взялъ изслѣдованія патера Стан. Шкрабца, перемѣнивъ только его знаки на другіе (см. ст. «Glavne točke o naglasu kniževne

¹⁾ Вѣроятно, Облакъ написалъ бы по окончанія словаря болѣе подробную лингвистическую рецензію, если бы ранняя смерть не помѣшала ему.

slovenštine», Rad jugosl. ak. CXXXII, 1897, с 116—117). Въ этой статьѣ акад. Валявецъ и самъ принялъ значки Плетершника. Онъ хотѣлъ ихъ принять и раньше (уже въ статьѣ «Naglas u adjektiva i pronomina», u Zagrebu 1895), но не могъ по типографскимъ затрудненіямъ.

Вотъ это фонетическое значеніе словаря Плетершника я и намѣренъ разсмотрѣть въ своей статьѣ, не вдаваясь въ большія подробности, а стараясь лишь показать, въ какомъ отношеніи система Плетершника находится къ системамъ Шкрабца и Валявца, и какіе фонетическіе вопросы можно рѣшать при помощи собраннаго здѣсь матеріала. Конечно, мнѣ придется говорить о явленіяхъ большею частію извѣстныхъ тѣмъ изъ нашихъ ученыхъ, которые много занимались какъ сравнительными изслѣдованіями въ области южнославянской акцентологіи, такъ и детальнымъ изученіемъ явленій собственно словѣнскихъ говоровъ, или вообще обнаружили въ своихъ трудахъ хорошее научное знакомство со словѣнскимъ языкомъ. Вслѣдствіе этого я смотрю на свою статью не болѣе, какъ на попытку, при помощи легко доступнаго специалистамъ матеріала сдѣлать нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ для меня самого интересные выводы о фонетическомъ характерѣ словѣнскаго языка, исходя изъ которыхъ, можетъ быть, удастся сдѣлать и болѣе широкія обобщенія въ области сравнительной фонетики славянскихъ нарѣчій. Я надѣюсь, такимъ образомъ, что моя статья можетъ послужить посильнымъ дополненіемъ какъ къ «Славянской акцентологіи» проф. Р. Θ. Брандта, представившаго на стр. 85—112 этой всѣмъ специалистамъ давно извѣстной книги подробный обзоръ главнѣйшихъ мнѣній о характерѣ словѣнской акцентовки до 1880 г., такъ и къ тому отдѣлу «Лекцій по славянскому языкознанію» проф. Т. Д. Флоринскаго, въ которомъ говорится о словѣнскомъ удареніи и о различныхъ оттѣнкахъ словѣнскихъ гласныхъ звуковъ, отступленія которыхъ отъ ихъ предполагаемаго этимологіей прорабразъ въ словѣнскомъ языкѣ тѣсно связаны съ мѣстомъ и качествомъ ударенія. На сколько мои «замѣчанія» могутъ быть интересными специалистамъ, предоставляю судить другимъ.

Словѣнская группа говоровъ, въ отличіе отъ ближайше родственной съ нею примыкающей къ ней на югостокъ сербо-хорватской, въ общемъ не знаетъ долгихъ звуковъ безъ ударенія¹⁾. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ находится и другое: часто первоначально краткіе гласные подъ старымъ или новымъ, перенесеннымъ съ предшествующаго или слѣдующаго слога удареніемъ удлинняются. Въ этомъ отношеніи словѣнская акцентовка, какъ и многое²⁾ въ звуковомъ строѣ словѣнскаго языка, является переходной отъ сербо-хорватскаго типа къ русскому. Относительно послѣдняго до сихъ поръ еще не установлено изслѣдователями, на сколько въ немъ, хотя бы діалектически, существуетъ разница между долгими и краткими звуками. Проф. Брандтъ³⁾ говоритъ объ отсутствіи количества въ русскомъ языкѣ и, хотя признаетъ особый выговоръ за ударяемымъ гласнымъ передъ удвоеннымъ согласнымъ, называя такое удареніе рѣзкимъ, даетъ, однако, русскому ударенію названіе вообще «неопредѣленнаго». Мнѣ представляется, тѣмъ не менѣе, весьма вѣроятнымъ, что и въ русскомъ языкѣ существуетъ разница между гласными по количеству, не только діалектически⁴⁾, но и въ говорахъ литературнаго языка. Чѣмъ руководствовался М. М. Хостникъ въ своемъ «Ручномъ русско-сло-

¹⁾ Valjavec, Prinos k naglasu u (novo)slovenskom jeziku, Rad jugosl. akad. znau. i umjetnosti, knj. XLIII (u Zagrebu 1878), s. 1.—Флоринскій, Лекціи, I, с. 433. Valjavec, Glavne točke o naglasu književne slovenštine, Rad, knj. CXXXII (1897), с. 116, 118 и слѣд. Но діалектически долгіе неударяемые слоги извѣстны напр. въ полянскомъ говорѣ по наблюденіямъ проф. Л. Пинтара (ib. 192—193).

²⁾ Сравни статью академика Шахматова «Русское и словенское аканіе» (Сборникъ въ честь Ф. Θ. Фортунатова, изданный въ Варшавѣ), съ которой я познакомился, когда уже бѣльшая часть моей статьи была написана.

³⁾ Начертаніе славянской акцентологіи, с. 20.

⁴⁾ О количествѣ гласныхъ въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ см. цѣнные замѣчанія въ трудахъ проф. Е. Θ. Будде. Замѣчательно, что по его наблюденіямъ въ говорахъ Касимовскаго у. Рязанской г. долгіе гласные слышны особенно часто «въ конечномъ закрытомъ слогѣ послѣ ударяемаго» (Къ исторіи великорус. говоровъ, с. 31 и слѣд.).

винскомъ словарѣ (V Gorici, 1897) и приложенной къ нему грамматикѣ, различая въ русскомъ яз. ударенія на долгомъ и краткомъ гласномъ, для меня остается тайной, такъ какъ почтенный авторъ, къ сожалѣнiю, нигдѣ не говоритъ объ основанiяхъ, на которыхъ построено его различенiе между / и \. Если сравнить его *писѣть*, *глядѣть*, *говѣть*, *словарь*, *удѣлъ*, *стои́тъ* и т. д., съ одной стороны, и *толпа*, *слова*, *борода*, *голово*, *несу*, *пишѹ* (с. V предисл., рус. грам., с. 55, 60 и др.), съ другой, то можно думать, что различенiе въ конечномъ слогѣ основано на закрытости и открытости его (внутри словъ не въ конечномъ слогѣ авторъ обыкновенно употребляетъ /, напр. *пособіе*, *плѣмени*, *чѣрпать*, *бои́ства* и проч.). Но чѣмъ объяснить тогда разницу между *площаде́й* и *муждо́й*, *косдо́й*, *втордо́й*, *седьмо́й* и проч., какъ понять знакъ \ на словахъ *свои́мъ доро́имъ земля́ймъ*, *челове́къ* и мн. др. съ закрытымъ конечнымъ слогомъ? Вслѣдствіе этого я пока не вижу въ различенiи г. Хостникомъ въ русскомъ яз. долгихъ и краткихъ ударяемыхъ слоговъ никакого ни реального¹⁾, ни теоретическаго основанiя. Мнѣ кажется, что пока возможно говорить лишь о различii ударенiя открытыхъ и закрытыхъ слоговъ, приходятся ли они въ концѣ или серединѣ словъ, ибо закрытый конецъ одного слова можетъ становиться открытымъ въ связной рѣчи вслѣдствіе примыканiя конечнаго согласнаго этого слова къ начальному гласному слѣдующаго. Мнѣ кажется именно, что въ русскомъ языкѣ (по крайней мѣрѣ въ большинствѣ средне-великорусскихъ говоровъ) гласные въ за-

¹⁾ Въ произношенiи русскихъ средней полосы, да и вообще гдѣ бы то ни было, я никогда не замѣчалъ и не слышалъ подобной разницы. Удивительно, что авторъ, если онъ замѣтилъ её, наблюдая живую русскую рѣчь, такъ равнодушно говоритъ о своемъ замѣчательномъ открытiи и не подводитъ его подъ общіе законы, оставляя читателя въ совершенномъ недоумѣнiи. Во всякомъ случаѣ, я весьма признателенъ автору за любезную присылку мнѣ своего очень полезнаго для практическихъ цѣлей труда. Спусти 4 года вышелъ и «словинско-русскій словарь», а также «грамматика слов. яз.» (1901 г.), оцѣнку которыхъ сдѣлалъ проф. П. А. Лавровъ въ Ж. М. Н. Пр. 1902 г., Январь, с. 182—187.

крытыхъ слогахъ какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ ударенія произносятся рѣзче, короче, чѣмъ въ открытыхъ, вслѣдствіе чего закрытый ударяемый слогъ можно считать носящимъ рѣзкое краткое удареніе¹⁾, а открытый ударяемый — протяжное, закрытый неударяемый является болѣе ирраціональнымъ²⁾, чѣмъ неударяемый открытый. Мнѣ кажется, напр., что *a* въ формѣ род. ед. ч. *bráta* произносится протяжнѣе, чѣмъ въ формѣ имен. ед. *brát*, а рефлексъ первоначальнаго звука *o* послѣ *p* является менѣе ирраціональнымъ въ формѣ род. ед. **iôpôda*, чѣмъ въ формѣ имен. ед. **iôpôd(ъ)*. Если мой слухъ меня не обманываетъ, то нельзя не вспомнить отношенія формы *bráta* къ формѣ *brát*³⁾ въ словѣнскомъ, въ противоположность сербскому (сербохорватскому) безразличію въ количествѣ звука *a* въ формѣ *brát* (*brām*) и *brāta* (*brāma*). Но существенная разница между словѣнскимъ и русскимъ яз. въ этомъ отношеніи та, что, между тѣмъ какъ въ русскомъ закрытый слогъ и внутри словъ произносится болѣе рѣзко, въ словѣнскомъ мы видимъ послѣдовательно проведенный законъ удлиненія всѣхъ внутреннихъ (неконечныхъ) ударяемыхъ слоговъ, вслѣдствіе чего мы имѣемъ долгое *a* не только въ формѣ *brāta*, но и въ формахъ род. ед. *brātra*, *brātca*, *brātja* (сербохорв. *brāca*, *brājja* или *braja*). Въ формахъ *brātca*, *krajca*, *stārca*, *rajsa* правильно находимъ нисходящее удареніе, какъ результатъ протяженія коренного гласнаго передъ старымъ сочетаніемъ *согласн. + ъ* (или *ѣ* изъ бывшаго сочетанія *ѣ + ъ*). Согласно съ этимъ и въ сербскомъ *krajca*, *stārca*,

¹⁾ Срав. замѣчаніе проф. Брандта объ особомъ выговорѣ ударяемаго гласнаго передъ удвоеннымъ согласнымъ (Начерт., с. 20).

²⁾ О болѣе долготѣ ударяемыхъ гласныхъ сравнительно съ неударяемыми въ русскомъ яз. замѣчено давно, см. Гротъ, Филологич. разысканія I³, 457, Богородицкій, Курсъ грамматики русскаго яз., ч. I (1887), с. 151. Если ударяемый приемъ за норму, ясно, что неударяемый мы должны признать ирраціональнымъ.

³⁾ Употребляю значки Плетершника, хотя о значеніи ихъ буду говорить дальше въ своей статьѣ.

пѣльца (при паоца В. С. Кар.) при краѣца, старац, палац и пр., но между тѣмъ какъ въ сербскомъ является браца, вѣроятно, подѣ влияніемъ братац или вслѣдствіе открытости слога, въ словѣнскомъ обратно brātes (или по способу обозначенія Валявца, brātsе), kгајъс, stагъс, јагъс, раѣс и мн. др., вѣроятно, подѣ влияніемъ косвенныхъ падежей, а можетъ быть, и вслѣдствіе ирраціональности гласнаго слѣдующаго слога: Валявецъ приводитъ (Glavne točke o naglasu... 34—36=149—151) ихъ въ числѣ словъ, имѣющихъ ѿ (вмѣсто ожидаемаго ,) въ закрытомъ слогѣ.

Такимъ образомъ, въ словѣнскомъ языкѣ удареніе имѣетъ свойство не только задерживать сокращеніе старыхъ долгихъ слоговъ, болѣею частію совпадающихъ съ сербохорватскими, но и удлинять старые краткіе слоги. Какъ давно уже замѣчено изслѣдователями словѣнскаго ударенія¹⁾, рядомъ съ общей съ сербохорватскимъ языкомъ по штокавскому нарѣчію «оттяжкой» въ словѣнскомъ существуетъ еще «выдвижка». И вотъ, какъ при оттяжкѣ²⁾ ударенія прежній краткій неударяемый гласный, получивъ удареніе со слѣдующаго за нимъ слога, удлиняется, такъ и при «выдвижкѣ»³⁾ новый ударяемый слогъ является долгимъ. И что вполне естественно и понятно, — между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ мы всегда имѣемъ восходящее удареніе, какъ бы указывающее на свое происхожденіе изъ слѣдующаго слога, — во второмъ мы находимъ нисходящее удареніе, повышеніемъ первой половины гласнаго указывающее

¹⁾ Брандтъ, Славянск. акцентологія, с. 92.

²⁾ Шкрабецъ такъ опредѣляетъ условія оттяжки: только краткое удареніе съ послѣдняго слога переходитъ только на долгій гласный, а изъ краткихъ только на е и о предпослѣдняго (Cvetje, XIII теѣ., 5 zv., Nekoliko slov. slov., § 17).

³⁾ Происхожденіе выдвижки Валявецъ, пользуясь интереснымъ наблюденіемъ Пинтаря, объяснилъ появленіемъ сначала долготы въ томъ слогѣ, который имѣетъ выдвинутое удареніе: въ полянскомъ гов. р. ед. grādū при имен. grād (Gl. točke..., 78=193), словѣнск. grādū при grād.

на свое происхождение спереди¹⁾. Но замѣчательно, что удлиняются не только слоги, вновь получающіе удареніе (при вы-

¹⁾ См. у Шкрабца «Nekoliko slov. slovnice za poskušnjo» § 21 (Cvetje, XIII, 10). Употребляя термины «восходящее» и «нисходящее» ударенія, я вполне подчиняюсь теоріи Шкрабца и Валявца, хотя и признаю основательность замѣчаній проф. Штрекля (Ljubljanski Zvon 1885, zv. 4, стр. 236—244), перепечатанных Валявцемъ въ LXXVII ой кн. «Rad jugosl. akad.» (1885), с. 31—39. Штрекель признаетъ словѣнское удареніе чисто экспираторнымъ, а потому отрицаетъ въ немъ различіе тоновъ восходящаго и нисходящаго, различая только нѣсколько степеней долготы и краткости. Самъ Валявецъ, возражая Штреклю, соглашается, что есть мѣстности въ области словѣнскаго языка, въ которыхъ удареніе, согласно съ удареніемъ новыхъ языковъ, выдвигаетъ слогъ не повышеніемъ тона, но усиленіемъ звука. Тѣмъ не менѣе онъ отстаиваетъ по крайней мѣрѣ для своего горѣнскаго (верхне-краинскаго) нарѣчія разницу въ произношеніи ударяемыхъ слоговъ, равныхъ по количеству. Онъ говоритъ, что, слушая въ Вѣнѣ произношеніе учившихся тамъ вмѣстѣ съ нимъ сербовъ, онъ убѣдился, что они произносятъ слоги *prav* и *bra* въ *práda* и *bráda* совершенно такъ, какъ горѣнцы, которые хорошо различаютъ разницу въ ихъ тонѣ (Rad jugosl. akad. LXXVII, с. 39), какъ различаютъ по тону и формы род. множ. *žén* и *rođi* (ib. 41). Возражая Миклошичу, который различаетъ только ударенія на краткомъ (,) и на долгомъ (,) слогахъ, Валявецъ говоритъ: «это можетъ быть справедливымъ въ примѣненіи къ штирійской словѣнщинѣ, но никакъ не къ крайнщинѣ, по крайней мѣрѣ никакъ не къ горѣнщинѣ» (41). Конечно, такіе оттѣнки тона можетъ замѣчать только человѣкъ съ хорошимъ слухомъ, но возможно, что не всѣ говоры словѣнскіе одинаково богаты въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ, долѣнецъ Шкрабецъ и горѣнецъ Валявецъ, оба прекрасные знатоки не только своихъ родныхъ говоровъ, но и всей словѣнщины, достаточно убѣждаютъ насъ въ томъ, что различіе между восходящимъ и нисходящимъ удареніями свойственно говорамъ крайнскимъ. Въдѣ и въ области сербохорватскаго языка далеко не всѣмъ доступны тонкости удареній, подмѣченныхъ Вукомъ Караджичемъ: сербскій писатель Миличевичъ, глубокій знатокъ народнаго сербскаго языка разныхъ мѣстностей, говорилъ мнѣ, что дѣти, приходящіе изъ деревень въ Бѣлградъ, въ школахъ отвыкаютъ отъ произношенія Вука, которое живетъ еще по крайней мѣрѣ въ западныхъ округахъ королевства. Кромѣ того, какъ справедливо замѣтилъ Шахматовъ, положенія Шкрабца и Валявца не противорѣчатъ мнѣнію объ экспираторномъ характерѣ словѣнскихъ удареній, такъ какъ и при усиленіи (безъ повышенія) голоса различаются не только степени усиленія, но и виды («Русское и словенское аканіе», с. 24).

движѣ и оттяжѣ), но, какъ мы видѣли (bráta), и старые краткіе¹⁾ внутри словъ, при чемъ въ этомъ случаѣ старое краткое или долгое восходящее общесловянское удареніе, въ сербохорватскомъ являющееся какъ рѣзкое (двойной грависъ Вука), въ словѣнскомъ является долгимъ восходящимъ. Такимъ образомъ, долгое восходящее удареніе въ словѣнскомъ является корреспондентомъ не только долгаго восходящаго и краткаго восходящаго сербо-хорватскаго языка²⁾, но и въ извѣстныхъ случаяхъ сербо-хорватскаго рѣзкаго. Это послѣднее въ словѣнскомъ языкѣ какъ сказано, можетъ находиться только на конечныхъ слогахъ, и въ этомъ существенное отличіе отъ сербской штокавской акцентовки и частичное сходство съ акцентовкой чакавской: разница съ послѣдней въ томъ, что, между тѣмъ какъ въ словѣнскомъ рѣзкое удареніе встрѣчается только въ конечныхъ слогахъ, въ чакавскомъ оно можетъ встрѣчаться на любомъ слогѣ. Словѣнская акцентовка во многомъ представляетъ срединное положеніе между акцентовками штокавской и чакавской (ср. Cvetje, XIII, 5, стр. 4), но существенно отличается отъ обѣихъ тѣмъ, что въ ней количество гласныхъ находится въ зависимости отъ ударенія. Въ этомъ она сходится съ той акцентовкой, которая, сохраняя древнюю свободу мѣста ударенія и отражая въ большинствѣ случаевъ (въ согласіи съ чакавской) древнее общесловянское размѣщеніе его въ словѣ, значительно отступила отъ старины тѣмъ, что совершенно подчинила ударенію количество гласныхъ, которое въ ней вообще является неизвѣстнымъ въ томъ, по крайней мѣрѣ, видѣ, въ какомъ оно составляетъ отличительное свойство акцентовки сербо-хорватской. Таковы ак-

¹⁾ Такимъ образомъ, только на конечномъ или единственномъ въ словѣ слогѣ можетъ находиться краткое (рѣзкое) удареніе, см. Шкрабца «Nekoliko slov. slovnice za poskušajo», § 18 (Cvetje, XIII теѣ., 6 зв.).

²⁾ Какъ извѣстно, произношеніе vóda съ долгимъ о вмѣсто краткаго встрѣчается діалектически и у сербовъ, а именно въ говорахъ «кановцевъ» (см. Милићевић, Кнежевина Србија, с. 118—119, 355, и стат. Джорджевича въ Archiv für slav. Philologie, XVI, 132—139) и дубровчанъ (Budmani, Dubrovački dijalekat....., Rad LXV, 155—179, Rešetar, Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten, Wien, 1900, s. 28, 37).

центовки частию болгарская¹⁾, но въ особенности русская, въ малорусской своей части менѣе, въ великорусской болѣе отступающая отъ духа акцентовокъ юго-западно-славянскихъ. Словѣнская акцентовка отражаетъ, повидимому, два періода въ исторіи количества общеславянскихъ гласныхъ. Изъ нихъ слѣды перваго, древнѣйшаго, уже значительно ослабѣли подѣ влияніемъ дѣйствія грамматической аналогіи даже въ столь чуткомъ къ сохраненію отгѣнковъ количества, какъ языкъ сербо-хорватскій, но ясно сохраняются между тѣмъ въ качественномъ измѣненіи гласныхъ въ тѣхъ языкахъ, которые или совсѣмъ, какъ по общепринятому мнѣнію языки малорусскій и польскій, утратили различіе въ количествѣ, или, какъ чешскій, сохранили его при полной утратѣ музыкальности ударенія²⁾. Этотъ періодъ характеризуется удлиненіемъ *закрытыхъ* слоговъ, закрытость которыхъ, однако, въ общеславянскую эпоху не могла быть полной, такъ какъ послѣ согласнаго, слѣдовавшаго за подлежащимъ удлиненію гласнымъ, еще долженъ былъ слышаться ирраціональный, по крайней мѣрѣ неслоговой, гласный (возможно даже, что удлиненіе происходило и раньше, чѣмъ ирраціональный гласный становился неслововымъ, ибо и самая ирраціональность

¹⁾ Съ болгарскимъ словѣнскую акцентовку сближаетъ и упомянутая «выдвижка», являющаяся въ болгарскомъ при сочетаніи съ членомъ односложныхъ словъ муж. р. со старымъ нисход. удар.; примѣры подобраны Цоневымъ (см. Hirt, Der indogerm. Akzent, Strassburg, 1895, с. 73—75; Valjavec, Glavne točke..., 92=207). Гиртъ, говоря о словѣнскомъ удареніи, приходитъ къ заключенію, что словѣнскій языкъ «занимаетъ среднее положеніе» (между сербскимъ и болгарскимъ), «раздѣляя два закона ударенія съ сербскимъ и одинъ съ болгарскимъ» (ibid. 79): съ сербскимъ соединяють словѣнскій яз. законы: 1) оттяжки и 2) сокращенія подѣ старымъ восходящимъ удареніемъ, съ болгарскимъ — выдвижка.

²⁾ Брандтъ, Начертаніе слав. акцентологіи, с. 148, 203—206. Здѣсь же, какъ и ранѣе Бодуэномъ-де-Куртенэ и Потебнѣю, указаны отступленія отъ закона сжатія въ польскомъ яз. Объ этомъ явленіи польскаго языка см. небольшую, но весьма содержательную и важную въ научномъ отношеніи статью нашего молодого лингвиста—слависта С. М. Кульбакина («Былые долгіе гласные польскаго языка», Одесса, 1902).

слѣдующаго гласнаго могла содѣйствовать удлинению предшествующаго). Второй, новѣйшій періодъ, совпадающій уже съ отдѣльною жизнью вполне обособившихся словянскихъ языковъ, представляетъ обратное стремление — сокращеніе закрытыхъ и удлиненіе открытыхъ слоговъ, охватывающее, какъ мнѣ кажется, говоры русскаго языка (только ли великорусскіе или и малорусскіе? — Отвѣтъ на это могли бы дать только *тонкія наблюденія людей*¹⁾), обладающихъ хорошимъ слухомъ, а еще лучше записи измѣрительныхъ приборовъ, чуждыхъ субъективному обману). Вотъ почему, можетъ быть, мы находимъ иногда въ словѣнскомъ, съ одной стороны, чисто по сербски долготу конечныхъ и внутреннихъ закрытыхъ слоговъ съ нисходящимъ удареніемъ (bōg), съ другой, — долготу внутреннихъ (съ восходящимъ) и конечныхъ (съ нисходящимъ) открытыхъ слоговъ²⁾. Замѣчательно при томъ, что въ сохраненіи древнихъ свойствъ южно-

¹⁾ Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно по крайней мѣрѣ по отношенію къ сѣверноукраинскому поднарѣчію, въ которомъ по нѣжинско-перемышльскому произношенію рефлексомъ этим. о въ закрытомъ слогѣ является столь краткій звукъ *уи* (*ci*), что Новицкій считалъ его равнымъ глухому *з* и писалъ *кзнь*, *пзль* (Труды этнограф. — стат. экспед. въ западно-русскій край... т. VII, ч. III, с. 474).

²⁾ Замѣтимъ еще, что словѣнское долгое восходящее удареніе на внутреннихъ открытыхъ слогахъ, являющееся соответственно сербскому рѣзкому въ случаяхъ, какъ bráta, žába, kóža, находитъ себѣ соотвѣтствіе въ чешской долготѣ: чешск. žába, kuže (изъ старочешскаго *kuoža, *kōža). Шахматовъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ предположилъ общеслов. восходящее удареніе, перешедшее въ штокавинѣ въ нисходящее (т. е. на краткомъ слогѣ въ рѣзкое), и прекрасно доказалъ разницу ударенія *а* въ формахъ *воду*, *бога*, съ одной стороны, и *брата*, *жаба*, съ другой («Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній», с. 36, 37 и слѣд., «Юрій Крижаничъ о сербско-хорв. удареніи», 86). О. Е. Коршъ («О русскомъ народномъ стихосложеніи», Спб. 1897, с. 99—102) обратилъ вниманіе на несоотвѣтствіе чешской и сербской долготъ не только въ плавныхъ сочетаніяхъ, уже объясненныхъ раньше Ф. О. Фортунатовымъ и И. В. Ягичемъ, и далъ объясненіе этому несоотвѣтствію въ свойствахъ чешскаго яз. протягивать гласный въ открытомъ слогѣ подъ старымъ

словянской акцентовки словѣнцы (по крайней мѣрѣ по крайнимъ говорамъ, представленнымъ въ словарь Плєтершника) часто согласны съ чакавцами не только въ размѣщеніи удареній, но и въ соблюденіи древняго восходящаго ударенія тамъ, гдѣ штокавцы замѣнили его нисходящимъ, а именно въ конечныхъ слогахъ: такъ произносятъ они слово *králj* въ противоположность вуковскому *králj* (крѣль), которое, очевидно, представляетъ штокавское отступленіе отъ старины, такъ какъ слово это, какъ видно изъ конечнаго ударенія въ косвенныхъ падежахъ у чакавцевъ и въ русскомъ языкѣ и восходящаго на коренномъ а тѣхъ же формъ у штокавцевъ, принадлежало къ числу имѣвшихъ удареніе на суффиксѣ, съ котораго перенесено на коренной слогъ лишь въ ф. им. ед. ч. благодаря ирраціональности конечнаго гласнаго въ этой формѣ; а потому ясно, что удареніе этого вновь получившаго его гласнаго должно было быть первоначально восходящимъ и лишь позднѣе, съ полной утратой конечнаго ирраціональнаго гласнаго, могло стать нисходящимъ.

Я не берусь въ этой небольшой статьѣ, требующей отъ меня благодаря особымъ обстоятельствамъ нѣкоторой поспѣшности, излагать подробно систему словѣнской акцентологіи, тѣмъ болѣе, что это сдѣлано уже моими предшественниками. Я прибавлю еще только, что восходящее удареніе въ словѣнскомъ, какъ и у нѣкоторыхъ чакавцевъ, а также, повидимому, и въ говорѣ Берлича (въ посавской Славоніи), можетъ падать и на

восходящимъ удареніемъ, при чемъ онъ показалъ и самый способъ развитія чехо-словацкой долготы въ формахъ, какъ *míga*, *víga*, *žába* и т. д. (с. 101). Такимъ образомъ, словѣнская акцентуація представляетъ какъ будто нѣкоторые пункты сходства и съ чехо-словацкой. Я бы воздержался, однако, такіе пункты сходства приписывать общему переживанію извѣстныхъ явленій. Существенная разница, во всякомъ случаѣ, въ «отталкивающемъ» характерѣ чешской долготы, что удачно отмѣтилъ Ягичъ (Ind. Forsch. III 254). Конечно, и сравненіе съ явленіями русскаго языка, представляющими отступленіе отъ общеслов. старины, сдѣлано мною безъ мысли объ общемъ переживаніи этихъ явленій.

конечный открытый слогъ¹⁾. Таково, напр., удареніе твор. ед. vodó или род. мн. vodá²⁾.

Но характерную особенность всей группы словѣнскихъ говоровъ, и въ частности крайнскихъ, составляетъ и зависящее отъ ударенія качественное измѣненіе гласныхъ. Между тѣмъ какъ неударяемые гласные не только не могутъ быть долгими, но часто являются даже ирраціональными, при чемъ ирраціональность ихъ часто граничитъ съ полнымъ исчезновеніемъ, какъ это и встрѣчается нерѣдко въ говорахъ верхне- и нижнекрайнскихъ и отражается не только въ произведеніяхъ народнаго творчества, но и въ пѣсняхъ выдающихся поэтовъ, напр., у знаменитаго Водника (начала XIX-го столѣтія),—гласные ударяемые подвергаются самымъ разнообразнымъ измѣненіямъ, которыя встрѣчаются при томъ и другомъ типахъ ударенія. Нужно, однако, замѣтить, что не всѣ гласные одинаково способны подвергаться сильному сокращенію при неударяемости и не всѣ способны къ замѣтному для слуха качественному измѣненію: наиболѣе сокращаются гласные *i* (рефлексы общеслов. *i* и *y*), качественно измѣняются (съ удареніемъ и безъ ударенія) гласные *e* и *o*. Между тѣмъ какъ гласные *e* и *o* безъ ударенія или подъ новымъ, перенесеннымъ со слѣдующаго слога, удареніемъ произносятся широко (Р. О. Брандтъ по примѣру словѣнскаго

¹⁾ А. А. Шахматовъ, Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній (Варшава, 1888 г.), с. 36; Юрій Крижаничъ о сербско-хорватскомъ удареніи (Варшава, 1895), стр. 84.

²⁾ М. Valjavec, Prinos k naglasu u (novo)slov. jez., Rad jugosl. ak. XLIV (1878), с. 36—37, 44—45. См. также «Glavne točke»....., с. 94 (209). Формы род. ед. vodê, vodë (по обозначенію Плетершника последнее было бы vodè) при vóde съ несходящимъ или краткимъ удареніемъ по Валявцу отличны отъ чакавскаго діалекта. vodé (при vodê другихъ говоровъ), но по Шкрабцу goré, т. е. съ воеход. ударен., а ф. род. мн. vodá при vód и vód по Валявцу (верхнекрайиск.) отлично отъ vodà, gorà, т. е. vodà, gorà, у Шкрабца (нижнекрайиск.), см. Rad XLIV, с. 37, Cvetje 1893 I, 8 zv., § 9 статьи «Nekoliko slov. slovnice».... Впрочемъ, въ «Glavne točke», 94, и Валявецъ принимаетъ ф. zemlje.

грамматика Метелка¹⁾ употребляетъ для нихъ буквы *e* и *w*) и являются открытыми, какъ бы склонными къ *a*, *e* и *o* подъ старымъ удареніемъ, а также и подъ новымъ (при «выдвижкѣ») принимаютъ передъ собой или послѣ себя звуковыя оттѣнки *i* и *u*, появленіе которыхъ въ томъ или другомъ мѣстѣ зависитъ между прочимъ и отъ этимологіи звуковъ *e* и *o* (ихъ отношенія къ общесловянскимъ прототипамъ).

Прежде чѣмъ входить въ разсмотрѣніе этихъ звуковыхъ различій съ точки зрѣнія ихъ происхожденія, что собственно не входитъ прямо въ мою настоящую задачу и можетъ составить предметъ особаго изслѣдованія, я постараюсь кратко изложить систему значковъ Плетершника, при чемъ, конечно, придется указывать, въ какомъ отношеніи она находится къ системамъ его предшественниковъ.

Для выраженія оттѣнковъ ударенія Плетершникъ употребилъ слѣдующіе знаки: $\backslash$ (грависъ) надъ буквой для выраженія ударенія на краткихъ слогахъ, $^$ (акуть) и $\frown$ (циркумфлексъ) для удареній на долгихъ слогахъ, при чемъ акутъ служитъ знакомъ восходящаго ударенія, а циркумфлексъ знакомъ нисходящаго. Мы уже знакомы съ приложеніемъ этихъ греческихъ значковъ въ системѣ В. С. Караджича къ сербскому языку и М. Валявца — къ словѣнскому; только Валявецъ къ четыремъ вуковскимъ значкамъ прибавилъ пятый — $\wedge$, который уже употреблялся въ примѣненіи къ сербо-хорватскому ударенію или въ значеніи вуковского $\frown$ (напр. уже у Юрія Крижанича)²⁾, или въ значеніи вуковского акута (у Бабукича)³⁾, или въ значеніи вуковского двойного грависа (у Берлича), а въ примѣненіи къ словѣнскому для обозначенія полудолготы (у Дайнка) и широкаго произно-

¹⁾ Lehrgebäude der slowen. Sprache im Königreiche Illyrien und in den benachbarten Provinzen (Laibach, 1825), с. 1—3.

²⁾ А. Шахматовъ, Юрій Крижаничъ о сербско-хорв. удареніи, с. 13, 20—21, 45, 51—52.

³⁾ Р. Брандтъ, Начертаніе славянской акцентологіи, с. 75.

шенія (у Мурка) ¹⁾; наоборотъ, у Плетершника нѣтъ двойного грависа. Насъ бы не удивляло то, что изъ четырехъ звуковскихъ значковъ мы у Плетершника находимъ только три, такъ какъ это различіе основано на различіи звукового характера сербо-хорватскаго языка отъ словѣнскаго. Но почему у Валявца въ примѣненіи къ тому же словѣнскому языку мы находимъ не только не менѣе, а даже болѣе надстрочныхъ знаковъ, чѣмъ у Вука въ примѣненіи къ сербскому? Изъ краткаго разсмотрѣнія тоническаго характера словѣнскаго языка сравнительно съ сербо-хорватскимъ, съ одной, и русскимъ, съ другой стороны, мы могли убѣдиться, что для означенія ударенія словѣнскій языкъ во всякомъ случаѣ нуждается въ меньшихъ средствахъ, чѣмъ сербо-хорватскій, такъ какъ въ словѣнскомъ всякое удареніе, перенесенное со слѣдующаго или предшествующаго слога на другой, содѣйствуетъ удлинению этого вновь удареннаго слога, влѣдствіе чего, понятно, въ словѣнскомъ не можетъ быть сербскаго слабаго ударенія на краткомъ слогѣ, вмѣсто котораго это удареніе является всегда на долгомъ слогѣ, и такимъ образомъ вмѣсто двухъ краткостныхъ удареній въ слов. мы находимъ лишь одно — рѣзкое. Дѣло въ томъ, что у Валявца надстрочные знаки служатъ не только для показанія удареній, для которыхъ онъ употребилъ только знаки „, „ и „ вѣ въ томъ же значеніи, какое

¹⁾ Обращу еще вниманіе на то, что этотъ знакъ встрѣчается и у старыхъ писателей. Въ рукописи лицейской библіотеки въ Люблянѣ подъ № 173 II. С. а подъ названіемъ «Krajsko besedische pisano (Krainisches Wörterbuch vom Probst Castelliz in Neustadte 1680....)», по мнѣнію Цойса (какъ сказано въ припискѣ, сдѣланной, по мнѣнію Пинтаря, однимъ изъ библіотекарей, м. б. Водникомъ или Мих. Кастелицемъ) написанной самимъ авторомъ, знакъ ˆ часто поставленъ надъ диотонгомъ *ei*, замѣняющимъ *ie*, и служить не для обозначенія ударенія, а для обозначен. диотонгическаго произношенія: *pèrbeishati*, *deiste*, *resdeifenie* (здѣсь и *ie* изъ *ie* для показанія односложнаго диотонг. выговора снабжено крышечкою), *leip*, *leipnoba*, *leipota*, *leitu*, *meistu* и мн. др. (но много исключеній), при чемъ крышечка обыкновенно приходится надъ обѣими буквами. Считаю долгомъ выразить здѣсь мою сердечную благодарность г-ну Пинтарю, разрѣшившему мнѣ заниматься въ библіотекѣ даже въ вакаціонное время и притомъ, несмотря на ремонтровку зданія библіотеки лѣтомъ 1901 г.

придалъ имъ Вукъ, но и для оттѣнковъ самихъ гласныхъ подѣ извѣстнымъ удареніемъ. Послѣдній смыслъ имѣютъ у него именно знаки $\underset{\cdot}{\text{u}}$ и $\wedge$, которые онъ ставитъ только надъ гласными o и e , когда соотвѣтствующіе имъ звуки произносятся открыто (т. е. o^a , e^a) съ долгимъ восходящимъ («*potegnuto*») или нисходящимъ («*potisnuto*») удареніемъ¹⁾. Такимъ образомъ, эти два знака отмѣчаютъ то же удареніе, что и знаки , и ^ , съ тою разницею, что послѣдніе не отмѣчаютъ при удареніи какого либо измѣненія ударяемыхъ гласныхъ. Такой двойственный характеръ надстрочныхъ знаковъ имѣетъ свои неудобства, которыхъ избѣгъ Плетершникъ, присвоивъ надстрочнымъ знакамъ исключительно смыслъ знаковъ ударенія. Знаки , и ^ у Плетершника имѣютъ тотъ же смыслъ, что и у Вука тѣ же знаки, а у Валявца тѣ же и еще , и $\wedge$; но вмѣсто двойного грависа Вука и Валявца онъ употребляетъ просто грависъ, который, такимъ образомъ, служить у него не для протяжно ударенныхъ,

1) Rad jug. akad....., knj. XLIII (1878), s. 5. Знакъ , употреблялъ еще Крель въ XVI-омъ столѣтіи для означенія краткости и неопредѣленности гласныхъ (см. у Шкрабца, Svetje XII, 1), а Кошитаръ въ грам. 1808 г. Но вмѣсто è и ò въ Крайни стали употреблять и ê , ô (ibid.). Мурко (A. I.) въ своей «Theoretisch-practische Grammatik der slowenischen Sprache in Steiermark, Kärnten, Krain und dem illyrischen Küstenlande (zweite, umgearbeitete und sehr vermehrte Auflage, Grätz, 1843)» употребляетъ $\wedge$ надъ буквами e и o для означенія «низкаго» (tiefes) и, какъ видно изъ описанія и примѣровъ, преимущественно широкаго, протяжнаго произношенія, напр. mêhek , zêt , mêso , bêdro , pêro , čêlo , bôb , vôda , pôst , kôza , kôza , gôga , žêna (см. стр. 2, 3, 11, 25). Но, какъ видимъ, у Мурко подѣ однимъ знакомъ скрыта разная степень протяжности: въ zet , bob , post , согласно указаніямъ Шкрабца, Валявца и Плетершника, e и o являются краткими, между тѣмъ какъ въ остальныхъ примѣрахъ долгими. Интересно, что Дайнко (Lehrbuch der windischen Sprache, Grätz, 1824, с. 8) употребляетъ $\wedge$ въ значеніи *полудолготы*: â , ê , î , ô , û , ÿ , sind mitteltönend, d. i. kürzer, als die gedehnten, doch aber länger als die geschärften, und haben nur an solchen Sylben statt, die bald länger, und bald kürzer gesprochen werden, z. B. brât , brâta Такимъ образомъ, Дайнко въ ф. brâta видитъ, въ отличіе отъ Шкрабца, Валявца, Плетершника, неполную долготу. Конечно, это можетъ быть особенностью его штирійскаго нарѣчія. Сравни, впрочемъ, мнѣніе пр. Штрекля о нѣсколькихъ степеняхъ количества словѣнскихъ гласныхъ.

а для кратко (рѣзко) ударенныхъ слоговъ. Тѣмъ не менѣе и звуковые оттѣнки гласныхъ *о* и *е* подъ тѣмъ или другимъ удареніемъ не остались не обозначенными въ системѣ Плетершника; но стройность и послѣдовательность его системы не могла допустить обозначенія ихъ тѣми же надстрочными знаками, и онъ перенесъ ихъ обозначеніе на знаки подстрочные. При этомъ, однако, онъ отмѣтилъ не широту звуковъ *о* и *е*, которая, въ противоположность Валявцу, у него осталась не отмѣченной, а ихъ узость, сжатость, склонность къ звукамъ *и* и *і* или, наоборотъ, призвуки *и* и *і* въ началѣ. Такимъ образомъ, *о* и *е*, склоняющіеся къ *и* и *і*, а діалектически подъ удареніемъ переходящіе въ дифтонги *ои* и *еі*, безъ ударенія же въ *и* и *і*, онъ означаетъ буквами *о* и *е* съ точкою подъ ними (*о̣* и *е̣*), звуки же *о* и *е*, какъ бы имѣющіе призвуки *и* и *і* передъ собою, онъ означаетъ буквами *о* и *е* съ тѣмъ значкомъ подъ ними, который употребляется въ польской азбукѣ для означенія назализма (*ȯ* и *ė*). Этотъ послѣдній значокъ ранѣе употреблялся еще Георгіемъ Япелемъ и Блазіемъ Кумердеемъ въ ихъ переводѣ Библии въ концѣ XVIII-го столѣтія¹⁾, но у нихъ этотъ значокъ не имѣетъ того предназначенія, какое придалъ ему Плетершникъ: во-первыхъ у Япеля и Кумердея онъ употребленъ лишь въ соединеніи съ буквою *е*; во-вторыхъ, онъ поставленъ не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ подъ *е* ставитъ его Плетершникъ, но также и подъ тѣмъ *е*, которое у Плетершника имѣетъ точку подъ собою; напр. не только : *fo je varihi [trejsli]....*, но и : *njegóvu oblazhilu bejlu kakòr [neg]....* (pars I, 145, Matth. XXVIII, 3—4), т. е. въ значеніи не только *іе*, но и *еі*. Рѣже, чѣмъ у Япеля и Кумердея, встрѣчается *ę* и у Марка Похлина²⁾, ко-

¹⁾ Svetu pismu noviga testamenta. Id est Biblia sacra novi testamenti adprobatione et consensu celsissimi et reverendissimi domini dom. Caroli S. R. J. Princip. ac episcopi Labacensis et Comitibus ab Herberstein etc. in Slavo-Carniolicum idioma translata per Georgium Japel... et Blasium Kumerdey ... (Pars prima. Labaci 1784).

²⁾ См. Sket, Slovenska slovstvena čitanka za učiteljišča na Dunaju 1893), с. 125, 395. Шкрабенъ (Cvetje z vertov sv. Fran., XII, 1, «Nekoliko slovenske slovnice za poskušnjo», § 2) говоритъ, что *ę*, представляющее въ

тому и принадлежитъ, по словамъ Скета, первенство введенія этого значка въ словѣнскую азбуку; вопросъ же о смыслѣ и цѣли употребленія его предшественниками Плетершника я здѣсь не буду разсматривать.

Такимъ образомъ, въ отличіе отъ Валявца, Плетершникъ совершенно отдѣлилъ обозначеніе удареній отъ обозначенія качественного измѣненія гласныхъ; вводя съ особою цѣлью новыя (хотя бы частію и извѣстные ранѣе) знаки подъ буквами для выраженія оттѣнковъ звуковъ *о* и *е*, онъ отмѣчаетъ именно то, что было оставлено безъ вниманія Валявцемъ, и наоборотъ, не отмѣчаетъ оттѣнковъ, нашедшихъ у Валявца свое обозначеніе хотя бы подъ однимъ знакомъ съ удареніемъ. Кромѣ этихъ значковъ подъ буквами *о* и *е*, Плетершникъ ввелъ еще одну особую букву для особаго звука, который въ крайнихъ говорахъ слышится въ извѣстныхъ случаяхъ въ соотвѣтствіи старословянскимъ *з* и *ь*. Эта буква наиболѣе сходства имѣетъ съ курсивнымъ *е*, хотя смахиваетъ немного и на перевернутое верхушкой внизъ печатное *а*, т. е. или *е* или *ѳ* (сравн. замѣчаніе Шкрабца, *Cvetje*, XII теѣ, 2 зв.). Последнее, т. е. вообще всякое перевернутое *а* употреблялось ранѣе еще Шкрабцемъ, съ системою котораго, довольно точно отмѣчающей всякіе оттѣнки звуковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удобной въ типографскомъ отношеніи, я и хочу познакомить здѣсь читателя въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена авторомъ въ § 4 его статьи «*Nekoliko slovenske slovnice za poskušnjo*» (*Cvetje z vertov sv. Frančiška*, XII теѣ, 2 зв.) въ 1893 г. Замѣтимъ, однако, что здѣсь Шкрабецъ не рекомендуетъ ранѣе употреблявшагося ¹⁾

латинскомъ письмѣ сокращеніе *ae*, употребляли въ значеніи узкаго *е* также нѣкоторые другіе писатели до начала XIX-го столѣтія. «*Črko e je uvedel o. Pohlín za dolgi é (ѳ), in po njem so jo rabili v knjigah, dokler ji ni Kopitar v svoji slovnici l. 1808. boja napovedal*», говоритъ Скетъ (*Slov. sl. žit.*, 395).

¹⁾ Напр. уже въ I *Letnik* въ «*Cvetja*» (1880), въ X теѣ. (1890 г.), гдѣ въ 4, 5, 6 и 7 зв. приведены слова, имѣющіи звукъ *ѳ*, и др. Сравн. статью «*Ueber einige schwierigere Fragen der sloven. Laut- und Formenlehre*» (*Archiv f. slav. Philologie*, XIV B., 3 H., s. 322).

имъ опрокинутого *a*, означавшаго вообще всякій неопредѣленный гласный, а замѣняетъ его другимъ обозначеніемъ. Онъ соблюдаетъ здѣсь нѣкоторое этимологическое различіе, и его система, какъ и система Плетершника, является нестрогой фонетической, хотя всетаки много точнѣе Плетершниковой. Онъ пишетъ *ä* въ значеніи «старого неопредѣленного гласнаго» (—словѣнскаго наслѣдника ирраціональных общеслов. *a* и *o*), *i*, *ü*, *ê*, *ò* въ значеніи новѣйшихъ ослабленныхъ гласныхъ сообразно ихъ этимологіи, *é* въ значеніи узкаго долгаго *e*, какъ бы начинающагося съ *i*, *ó*—въ значеніи долгаго узкаго *o*, начинающагося съ призвукъ *u*, *ê*—въ знач. узкаго долгаго *e*, какъ бы заканчивающагося призвукомъ *i*, *ô*—въ знач. такого же *o* (съ призвукомъ *u*); для означенія чистыхъ долгихъ *ei* и *o*, произносимыхъ въ чужихъ, еще не усвоенныхъ вполне словахъ, Шкрабецъ употребляетъ вмѣсто общепринятой горизонтальной черты надъ буквой (тоже у Плетершника) точку вверху строки передъ буквой (*e*, *o*); для широкихъ *e* и *o* или не считаетъ нужнымъ никакого знака, или предлагаетъ точку внизу строки передъ буквой; для долгаго тяжелаго («*potisnjeni*», *gestossen*, нисходящаго) ударенія (сербо-хорв. *˘*) онъ предлагаетъ *˘*: *da˘n* — *день* (у Плетершника *dān*, какъ и въ сербо-хорватскомъ); для долгаго протяжнаго («*potegnjeni*», *gedehnt*, восходящаго) ударенія — знакъ *˘*, напр. *da˘n* (*gegeben*); для краткаго тяжелаго ударенія (сербо-хорв. *˘*) — точку вверху строки справа отъ буквы, для краткаго «протяжнаго» (сербо-хорв. *˘*), точнѣе—слабаго ударенія, теперь свойственнаго только «штокавскому» произношенію, а прежде, по мнѣнію Шкрабца, и словѣнскому, онъ предлагаетъ *˘* (перевернутый знакъ точки съ запятой): *vo˘da*; для произнесенія *l* какъ «согласный» *li* (точнѣе неслоговое *ц*)—запятую перевернутую обратно (сравни. знакъ восходящаго ударенія) внизу строки слѣва отъ буквы (тотъ же знакъ гередъ буквою *o* для такъ-же произносимаго *o*); для означенія смягченія—*j*˘, напр. въ словѣ *krá˘lj* (у Плетершника *králj*, сербо-хорв.-штокавск. *крáль* вмѣсто чакавскаго, болѣе древняго, *králj*), въ словѣ *ko˘nj* = Плетершн. *kônj* (у

Валявца ^вkonj, сербск. ^вкоњ); для обозначенія сокращеннаго произношенія долгихъ по природѣ гласныхъ и, наоборотъ, протяжнаго произношенія краткихъ по природѣ онъ считаетъ достаточнымъ знаки краткаго (·) или долгаго (˘) удареній; для означенія исчезновенія «неопредѣленныхъ» (точнѣе, ирраціональных) гласныхъ—двойной грависъ¹⁾; для означенія удлиненія согласныхъ г и љ, v и j—постановку знака ударенія за согласными буквами, а не за гласными, имъ предшествующими, напр. var't=у Плетершника vřt, сербо-хорв. vřt вмѣсто ожидаем. vřt, ст. слов. врьтѣ, врьтѣ (общеслов. *vřt—слово, заимствованное изъ германскихъ языковъ, въ значеніи «садъ»), vo,l'k, glej' и т. п.

Если мы сравнимъ изложенную систему съ системой Плетершника, мы замѣтимъ то существенное различіе, что Шкрабецъ сумѣлъ соединить въ своей системѣ этимологическій принципъ съ возможно точнымъ фонетическимъ обозначеніемъ отѣнковъ любого говора: какъ мы видѣли, онъ предлагаетъ писать буквы всѣхъ предполагаемыхъ общесловѣнск. звуковъ и въ то же время находить способъ отмѣчать сокращеніе этихъ звуковъ не только до степени неопредѣленныхъ («nedoločni») гласныхъ, но и до полного исчезновенія; онъ пишетъ этимологически требуемый согласный, но особымъ знакомъ отмѣчаетъ его измѣненіе въ другой; онъ отдѣляетъ на письмѣ рефлексы старыхъ ирраціональных звуковъ отъ новыхъ, образовавшихся путемъ сокращенія разныхъ гласныхъ, хотя бы, какъ онъ говоритъ въ статьѣ «Ueber einige schwierigere Fragen der slov. Laut- und Formenlehre» (Archiv XIV, 322), они слились всѣ въ одномъ неопредѣленномъ гласномъ, прежде обозначавшемся имъ черезъ опрокинутое а. Замѣтимъ, что обозначеніе неопредѣленности и

¹⁾ Напр. ^вbila слѣдуетъ читать bla, какъ и писалъ В. Водникъ (см. «Pésme Val. Vodnika», v Ljubljani 1840, с. 42 и др.). Очевидно, Шкрабецъ хотѣлъ соединить въ своемъ письмѣ двѣ цѣли: этимологическую и фонетическую.

ирраціональности (то и другое, къ сожалѣнію, смѣшивалось) помощью грависа было уже у старыхъ писателей: Крель («Postilla» 1567 г.) писалъ *řam, zharka, kolikèr* (см. Svetje, XII, zv. 1)¹⁾. Особенность Шкрабцева правописанія заключается также въ постановкѣ буквы *à* передъ слогаобразующимъ *r* (въ своемъ литературномъ правописаніи, не отмѣчая, какъ и вообще въ словѣнскихъ современныхъ книгахъ, удареній, онъ употребляетъ по примѣру большинства писателей XIX-го столѣтія²⁾ сочетаніе *er*), въ чемъ онъ едва ли не болѣе правъ въ смыслѣ фонетической точности, чѣмъ тѣ, которые, какъ Миклошичъ и Плетершникъ, пишутъ одно *r*, такъ какъ передъ *r* въ большинствѣ говоровъ всетаки слышится неполный, хотя бы и неслоговой, гласный.

Система Плетершника не гонится за слишкомъ большой фонетической точностью и отмѣчаетъ лишь тѣ отгѣнки, которые свойственны гласнымъ долгимъ или исконно ударяемымъ или являющимся подъ новымъ удареніемъ вслѣдствіе выдвигки. Она отмѣчаетъ именно такъ называемое *суженіе* гласныхъ, оставляя безъ обозначенія и ихъ широкое произношеніе и ихъ вновь образовавшуюся «неопредѣленность» вслѣдствіе сокращенія въ положеніи безъ ударенія. Такимъ образомъ, здѣсь имѣютъ свое обозначеніе лишь тѣ неопредѣленные гласные, которые отражаютъ старые общесловянскіе ирраціональные при извѣстныхъ условіяхъ; ихъ судьбу, какъ извѣстно, раздѣляютъ лишь тѣ ирраціональные паразиты, рефлексы которыхъ мы находимъ почти во всѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ, и которые едва ли не слѣдуетъ отнести къ общесловянской эпохѣ; я

¹⁾ Интересна попытка Метелка ввести для ирраціон. гласныхъ (независимо отъ этимологій) особую букву *č*, произношеніе которой онъ приравниваетъ франц. *e* въ *que* (Lehrgebäude, s. 1), напримѣръ: *romčkniti* при *romáknem*, *člwnčik* и т. п. (с. 3) = *romčkniti*—*romáknem*, *člónček* у Плетершника. Эта буква похожа на курсивное кирилловское *ѣ* или курсивное русское *е*.

²⁾ Старые писатели XVI и слѣдующихъ вѣковъ обыкновенно писали *ar* и *er*.

разумѣю такіе случаи, какъ *dŏbŕg*, гдѣ между *b* и *r* развился гласный въ разныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ. Представляетъ ли словѣнскій «*nedoločni*» гласный въ соотвѣтствіи *z* и *ь* старослов. и т. п. прямое наслѣдіе общесловянскихъ ирраціональных, или новое сокращеніе ихъ раціональных рефлексовъ, — это требуетъ, конечно, особаго тщательнаго изслѣдованія. Мнѣ кажется, что въ виду значительнаго числа случаевъ *e* изъ *z* и *ь* подъ удареніемъ, каковы *bez* (старослов. *bъzъ* — «бузина»), *lêb* (старослов. *лѣбъ*, польск. *łeb*, рус. *лобъ*), *sen* (сѣнъ, польск. *sen*, сербск. *сан*, русск. *сонъ*), *rъz*, (ст. сл. *ръzъ*, польск. *ries*, сербск. *пасъ*, рус. *песъ*) и мн. друг., было бы трудно сомнѣваться, что «неопредѣленный» словѣнскій гласный здѣсь восходитъ прямо къ старымъ ирраціональнымъ, въ другихъ случаяхъ подъ вліяніемъ долготы перешедшимъ въ полное *a* крайнихъ и полное *e* нѣкоторыхъ хорутанскихъ и штирійскихъ говоровъ, между тѣмъ какъ тѣ же полные звуки являются рефлексами всякихъ *z* и *ь* на крайнемъ юго-западѣ, съ одной (*a*), и на крайнемъ сѣверо-востокѣ (въ тѣхъ же штирійскихъ, угрословѣнскихъ и кайкавскихъ-хорватскихъ говорахъ), съ другой стороны (*e*)¹⁾. Тѣмъ не менѣе сомнѣніе это является вслѣдствіе существованія во многихъ говорахъ не только сокращенія первично полныхъ гласныхъ до степени крайней ирраціональности и даже исчезновенія при условіи неударяемости, но и сокращенія тѣхъ же гласныхъ подъ удареніемъ до степени полного совпаденія съ краткимъ рефлексомъ общесловянск. *z* — *ь*. Такимъ образомъ, даже въ сравнительно болѣе устойчивыхъ долѣнскихъ говорахъ находимъ тотъ же неопредѣленный гласный изъ краткихъ ударяемыхъ *u* и *i*, что и изъ первоначальныхъ кратко ударенныхъ *z*, *ь*: Метелко пишетъ совершенно одинаково свою букву *z* въ словахъ *krz̃h* (**kruh*, *кроухъ), *d̃im* (**dim*, *дѣимъ), *b̃ik* (**bik*, *быкъ), *b̃ič* (*bič*, *биць); *r̃ič* (**ptič*, старослов. *пѣтишь) и т. п.,

¹⁾ V. Oblak, Die Halbvocale und ihre Schicksale in den südslav. Sprachen, Archiv XVI, 163.

какъ и въ *zī, vizig, vis (omnis)* и т. п.¹⁾. Сомнѣніе увеличивается еще болѣе, когда мы замѣчаемъ, что именно въ тѣхъ говорахъ, которые изъ *z—ь* во всякомъ положеніи развили полные звуки (кромѣ случаевъ полного ихъ исчезновенія), не встрѣчаются подобные примѣры ирраціональных гласныхъ вмѣсто общесловянскихъ раціональных. Велѣдствіе этихъ обстоятельствъ нельзя не согласиться съ Шахматовымъ, что «мы не имѣемъ основанія допускать сохраненіе полугласнаго звука изъ *z, ь* въ общесловенскую эпоху»²⁾, или по крайней мѣрѣ признать его выводъ весьма вѣроятнымъ. Этотъ важный выводъ, конечно, существенно измѣнилъ бы все наши прежнія представленія объ исторіи словѣнскаго вокализма. Не менѣе важно, однако, то, что гласный, въ которомъ слились въ древнѣйшую эпоху (задолго до написанія Фрейзингенскихъ статей) общесловянскіе *z* и *ь*, всетаки не могъ быть ни чистымъ *a*, ни чистымъ *e*, которые являются нынѣшними рефlekсами этихъ общесловянскихъ звуковъ, и я думаю, что выводъ о позднемъ происхожденіи нынѣшнихъ неопредѣленныхъ словѣнскихъ гласныхъ нисколько не препятствуетъ предположенію, что общесловѣнскій звукъ, хотя бы, какъ принимаетъ Шахматовъ, *ä*, въ извѣстную историческую эпоху бывшій звукомъ полного образованія, въ болѣе древнюю могъ быть настоящимъ «полугласнымъ», т. е. ирраціональнымъ. Возможно, конечно, что это было еще на почвѣ общаго сербо-хорвато-словѣнскаго яз., т. е. той группы южнославянскихъ нарѣчій, которая, въ отличіе отъ другой, болѣе восточной (старословянско-македонско-болгарской), искони смѣшала *z* и *ь* въ одномъ звукѣ, и что только по выдѣленіи изъ этой группы вѣтви специально словѣнской въ этой послѣдней утратилась старая ирраціональность, а по мѣрѣ развитія экспираторности ударенія стала затѣмъ постепенно развиваться новая. Но все наши заключенія на этотъ счетъ не идутъ дальше про-

¹⁾ См. стр. 3, 56, 57 и друг. «*Lehrgebäude der slowenischen Sprache*».

²⁾ «Русское и словенское аканіе», с. 4—5 (Сборникъ статей, посвященныхъ учениками и почитателями академику и заслуженному профессору Ф. О. Фортунатову.... 1872—1902, Варшава, 1902).

стѣхъ предположеній за недостаткомъ точныхъ доказательствъ, даже такихъ, какими обладаютъ говоры сербо-хорватскіе въ правописаніи древнихъ кирилловскихъ и глаголическихъ памятниковъ.

Что касается названія «nedoločni» (неопредѣленный), употребляемаго Шкрабцемъ для современнаго краткаго рефлекса *z* — *z*, то мнѣ кажется, оно имѣетъ тотъ смыслъ, что мы затрудняемся опредѣлить его качество ¹⁾, т. е. неопредѣленность здѣсь чисто субъективная; вопросъ же о принадлежности этихъ звуковъ къ разряду ирраціональных я не могу рѣшить, не имѣя собственныхъ точныхъ наблюденій.

Въ области обозначенія согласныхъ, кромѣ обычныхъ и общепринятыхъ у южныхъ словянъ со временъ Л. Гая *š*, *š*, *ž* Плетершникъ ввелъ принятое только въ польскомъ языкѣ *ch* для тѣхъ рефлексовъ общеслов., а также и обще-сербо-хорватословѣнскаго открытаго (твердаго) *l*, которые не слились съ рефлексами общесловянскаго закрытаго (средняго) *l*, а именно въ значеніи Шкрабцева *l*, т. е. неслогового *u*.

Изъ всѣхъ особенностей Плетершниковыхъ обозначеній я позволю себѣ остановиться на этимологическомъ значеніи *e*, *o*, съ одной стороны, и *e* и *o*, съ другой.

Прежде всего отмѣтимъ, что между тѣмъ какъ *e* и *o* означаютъ всегда долгіе звуки (долгіе ⁱ*e*, ^o*o* или діалектически дифтонги *ie*, *uo*), *e* и *o* — не только долгіе, но и краткіе (подъ удареніемъ и безъ ударенія), при чемъ въ такомъ совпадѣніи подъ однимъ обозначеніемъ и долгихъ и краткихъ *e* и *o* необходимо видѣть или неточность, или проникновеніе извѣстнаго звука, являвшагося первоначально подъ удареніемъ, въ родственныя формы по аналогіи, т. е. или въ различныя формы, обра-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ долѣвскихъ говорахъ, около Топлицы и Новаго Мѣста, мнѣ ясно слышался звукъ нѣмецк. *ö* или франц. *eu* (иногда и франц. *e*), напр. *Möniška vas* (*мѣнишѣскаѣ вѣсѣ), такъ что вспоминается Метелково сравненіе съ французскимъ *que*, въ которомъ слышно то ирраціональное, то почти полное *ö*.

зованныя отъ одной основы, или въ различныя слова, образованныя помощію одного суффикса. Разсмотрѣніе всѣхъ отдѣльных случаевъ, гдѣ являются звуки, обозначенные въ словарѣ черезъ *е*, *ѣ*, съ одной стороны, и черезъ *е*, *ѣ*, съ другой, могло бы составить предметы многихъ изслѣдованій, а потому я невольно принужденъ себя ограничить пока лишь отвѣтомъ на вопросъ, какіе общесловянскіе звуки кроются преимущественно подъ первой, какіе—подъ второй категоріей звуковъ словянскихъ. И при бѣгломъ уже знакомствѣ съ словаремъ намъ бросается въ глаза слѣдующій фактъ: *е* является преимущественно (но не исключительно) рефлексомъ общеслов. *е* (старослов. *а*), *ѣ*—преимущественно рефлексомъ общеслов. носового *о* (старослов. *ѡ*); *е* — исключительно рефлектируетъ общеслов. *ѣ*, которое, однако, при извѣстныхъ условіяхъ рефлектируется и простымъ *е* и даже (рѣдко) черезъ *ѣ*; *ѣ* обыкновенно отражаетъ общеслов. *о* при извѣстныхъ условіяхъ и только очень рѣдко общеслов. носов. *о* (*ѡ*). Въ слѣдующихъ коренныхъ слогахъ можно замѣтить *е* со-отвѣтственно предполагаемому ¹⁾ *а*:

1) *brĕkati*, *brĕčati* «кричать», *brĕcati* «играть колоколами», при родственныхъ *brĕnkati* «бряцать по струнамъ», *brĕnčati* «жужжать»²⁾, *brĕncati* «звонить въ набатъ» (сравни русск. *брыкать*, *бряцать*, *бренчать*, ст. слов. *бракати*, *брацати*, сербск. *брека* «крикъ», *брѣчати* «звучать», польск. *brzakać*, *brzęczyć*³⁾, родств. *brzmieć*).

¹⁾ Слова сомнительныя въ этимологическомъ отношеніи отмѣчаю звѣздочкою.

²⁾ *zabrĕnčati*: «muhe so zabrenčale».

³⁾ Польскія слова я привожу по словарю Бартошевича, иногда Линде, чешскія по слов. Шумавскаго—Ранка, малорус. по Пискунову и др., сербскія по В. Караджичу, старослов. по Миклошичу (Lex. Pal.), болгарскія по Дювернуа, П. А. Лаврову (Обзоръ зв. и ф. особ. болг. яз., с. 14), А. П. Стоилову (Остатки отъ назализма въ Солунскитъ села Зарово и Висока, с. 9—10 отд. от. изъ Пер. Спис. LXI, 1901) и Облаку (Macedonische Studien, 19—23). Кромѣ того, для всѣхъ языковъ пользуюсь данными Миклошичева «Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen» (Wien 1886), недостатокъ котораго заключается въ отсутствіи знаковъ удареній.

2) *zabrěkē* «надувшийся», «распухший», *zabrěkniti*, — *brěk-* нем. «распухать» (сравн. польск. *brzmieć*, *na-brzmieć* въ значеніи «пухнуть, надуваться»). Вѣроятно, родственно съ первымъ (от-носительно развитія значенія сравн. ниже пжк-).

3) *počētek*, *počēten*, *počētev*, *počēti*, *za*—(ст. сл. почати и т. д.). По ударенію сравн. сербск. *početak*, *pòčēti*, польск. *rozczątek*, *rozcząć*.

4) *déga*, «упряжной ремень», «лямка»; срав. ст. сл. *dagā* «веревка», «ремень».

4⁶) **dēgniti*—*dēgnem*—«Strahlen werfen»: «danes, je oblačno, le redko solnce skozi oblake degne,—malo je solnce degnilo, pa se zopet hitro za megle skrilo» («ob Muri in Ščavnici», Trstenjak, Let. 1875, 85); сравн. съ общеслов. *g*, чередовавшимъ съ *g*, ст. сл. *dagā* *arcus*, *iris*, но этимологія сомнительна¹⁾; у Миклошича въ *Etym. Wörterb.* слово пропущено.

5) *dētelja der Klee* (сравн. польск. *dzięcielina włoska* «богородская трава», родств. польск. *dzięcioł*, чешск. *datlík*, русск. *дѣтловина*, *дѣтель*; напротивъ словѣнск. *dětel* и сербск. *djetao* восход. къ основн. *dk*—). До сихъ поръ носовой слышенъ въ говорѣ Канале (къ сѣв. отъ Горицы по р. Сочъ): *dēntve*, Mikl. V. Gr. I, 34.

6) *drēg* «толчокъ», *drēgati*, *drēgniti* «толкать» (ср. рус. *дрять*), Mikl. Et. W.

7) *glēd*,—*ī*, при *glēdāto*, *glēdališče*, *glēdati*, *glēdam*, *glēj*... (ст. сл. глѣд—); сравн. глѣндамъ въ солунск. говорѣ села Зарова (юго-вост. Македонія) (А. П. Стоиловъ).

¹⁾ Возможно, что въ *dēgniti* мы имѣемъ рѣдкій остатокъ того *deg*—(индоевроп. *dhagh*—), которое значило «жечь» и является въ германскихъ яз. въ значеніи «дня» (н. в. нѣм. *tag*, англ. *day*), а въ балтійско-славянской вѣтви въ лит. *degūtas*, рус. *деютъ*, польск. *dziegieć* (**дегзть*), лит. *degū* «жгу», *dažas* «жатва», др. инд. *dah* «жечь».

8) grěd, —î «жердь» (при gréda «балка», «грядка», ср. рус. *гряда*, *грядка*, болгаро-макед. грѣнда и грѣндата (Зарово и Висока), А. П. Стоиловъ, 1. с.

9) grēm, grēdem, grēm—«иду» (ст. сл. грядѣ).

10) grēz «сливки», «тина», «грязь», grēzen «болотистый» при greziti «погружать» (ст. сл. гразѣти, русск. *грязь*, *грязнуть* и т. д.).

11) hrèst—pod. hrěsta «тпекъ», hrěstniti, hrěstati, hrěšč — hrěšča при hrěšč «майскій жукъ» изъ *хрѣщъ; сравн. русск. *хрѣстъ* изъ *хрѣст—и хрущъ изъ *хрѣщъ, польск. chrzęst, chrząszczenie, chrzęścić, chrząszcz «хрущъ, жукъ». Можетъ быть, сюда же слѣдуетъ отнести и hrěstelj, —tlja, «der Wachtelkönig», «дергачъ», «коростель», сравн. чешск. chřastal «Grashuhn», при чемъ слѣдуетъ отдѣлять русск. *коростель* и ст. слов. крастѣль (Син. псалт. л. 273, Гейтлеръ, стр. 233, псал. 104), польск. chrościel, въ которомъ ch, можетъ быть, вслѣдствіе вліянія со стороны словъ другого происхожденія—(сравн. замѣч. Миклошича Et. W.), сказывавшагося, повидимому, и въ другихъ словянскихъ языкахъ, такъ какъ форма хрѣсталоу приведена Миклошичемъ (Lex. Palaeosl.) изъ сербской рукописи книгъ ветхаго завета собранія Михановича XVI-го вѣка.

12) jěcati «вопить, стонать»... od —, jèk —jèka «звукъ», odjèka, jèkati—jèkam—«раздаваться», odjèkniti—jèknem; сравн. польск. jęczeć «стонать», сербск. jèk, jèka, «звукъ», jěчати «звучать», «стонать», ст. слов. ѡчати, чешск. ječetí.

13) jědrn 1) «крѣпкій», 2) = jádrn—«быстрый»; jědrnost «проворство, усердіе»; jědro, jědree «ядро», «крѣпость», jedrēn «крѣпкій».... Сравн. 1) ст. сл. ѡдро «nucleus», болг. ѣдъръ «крупный», солунск. ѣндър (Стоиловъ, ib., Облакъ), русск. *ядро*, *ядрѣный*, польск. jądro, jedrnieć, jędrny, 2) ст. слов. ѡдрѣ «tachys, citus», при чемъ въ памятникахъ сербской ред. находимъ ѣдрѣ,

—болгарской жарж (Болонск. пс.). Очевидно, *jadrn* «*schnell*» только по значенію совпало съ *jědrn* и должно быть этимологически отличаемо и сближаемо съ *jádro*, *jadrílo* «парусъ», *jádrati* «плавать» (на парусахъ) ст. сл. *ѡдрило*, *ѡдрити* и т. д., предполагающими, судя по хорв. *jidriti*, *jídro*, общеслов. *ѣ*, чередовавшееся въ началѣ словъ съ *ѡ*, какъ въ *ѡдъ*, русск. *ѡдъ*, діал. *ѡдъ*, при сербск. *ījēd* ¹⁾.

14) *jěti* (*jámem*), *odjětje* «отнятие», *otěti* (*otmēm*) «освободить», *otětuv*, *otětje*, *otětba* и т. д., *jěša* «тюрьма»; ср. ст. сл. *ѡти* и проч. (имѣ), русск. *взять* и проч., польск. *jąć*, *wziąć*, серб. *otěti*, *ūzěti* и т. д.

15) *jětra* «печень», ст. слов. *ѡтро ѣпар*, *jesur*, сравн. польск. *jątrzniса* «кишка, колбаса», *jątrznу* «гнойный», *jątrzyć* «гноить», сербск. *jětra* и т. д.

16) *jětrva* = сербск. *jětrva*, русск. *ятрѡвъ*, польск. *jątręw* = *bratowa*, болг. *етръва*, *ётръва* (у Дозона), *јѣтърѡви* (у Милад., см. Миклошич Lex. Pal.), солунск. (Зарово и Впеока) *ентръва*, А. П. Стоиловъ, ib., ст. сл. *ѡтры.

17) *jěza* «гнѣвъ» = сербск. *jěza* «ужасъ», сравн. ст. слов. *ѡза* «*morbus*», болгарско-македонск. *jandza*, приведенное Матовымъ изъ Велеса и Прилѣпа въ выраженіи «*istavi se jandzo*» (исчезни, болячка) и «*jěndza te fătika*» (проклятіе, употребляемое бабами въ Охридскомъ говорѣ, сообщенное Облакомъ) ²⁾; ср. польск. *jędza* и русск. *ѡа* (сказочная злая баба). Въ связи съ этимъ *jězati*, *jezíti* «сердить». Ф. Θ. Фортунатовъ сравнил,

¹⁾ Лекціи по фонетикѣ старославянск. яз. Ф. Θ. Фортунатова (Москва, 1888), с. 223.

²⁾ Archiv für slav. Philologie, XV, 74, рец. на статью Матова о новосовыхъ въ востурекскомъ говорѣ въ «Книжници за прочитъ» 1889—1891 (I—X). Сравн. *enža* (т. е. *endza*) въ говорѣ къ сѣверу отъ Солуны (Mac. Stud., 21).

лотышск. *ingt*, *igt*, лат. *aeger*. Общеслов. *eg-* восход. здѣсь къ первонач. *ing-* (сравн. *čestъ*, *žed-*).

18) *klécati*, *kléčati*, *klékati*—«падать на колѣни, кланяться», *klêk* а) «*die Kniewippe*» (качели?), б) искривленный ростокъ, в) клюка, г) названіе горы въ Далмаціи, «*kje se šajajo čornice*» (Шкрабецъ). *kléka*—«*grčasta krivina na drevesu*» (узловатая неровность на деревѣ); сравн. ст. сл. *клатчати*, *клатцати*, сербо-хорв. *клѣк*—названіе горы, гдѣ «се вјештице скупљају», *клѣѣи* «падать на колѣни», *клѣцати* «колебаться», *клѣчати* «стоять на колѣняхъ», польск. *klęczeć*, *klękać*, *klęknać*, сравн. русск. заимствов. изъ польск. *клѣнчить* «просить», болг. *клетѣж* «сизу на корточкахъ». Родственно, вѣроятно, и польск. *kląsze* «стебель, стволъ», *klęk* «рукоятка у сохи» съ общеслов. носовымъ *o*.

klêč «утесъ, подводный камень, мѣль» (можетъ быть, родственно съ первымъ, если первоначальное значеніе «кривизна»).

19) *kléka* «худая лошадь» (срв. русск. *клѣча*). «худая корова»; польск. *klasz*, *klaszka* «кобыла», вѣроятно, заимствовано изъ русскаго или изъ чешскаго (сравн. чешск. *kláč*, *kláčka* 1) «eine Kufe», что значитъ не только «чанъ, ушатъ», но и «полость у саней», 2) «*die Pflugkrümme*», 3) «кобыла»). У Миклошича Et. W. этого словѣнскаго слова нѣтъ, а приводится только (въ прибавлен.) рус. *kljača*, которое сравнивается съ прусск. *klente* «корова», но послѣднее слѣд. отдѣлить въ виду звука *t*.

20) *kléti* «проклинать», *klétba*, *klétuv*, ст. слов. *клати*, *клатва*, болгарск. солунск. *клѣтва* (Зарово и Висока, А. П. Стопловъ, ib. 9), польск. *kląć*, *klątwą* и т. д., сербск. *клѣти*, *клѣтва*, черног. *клѣтав*.

21) *knêz* (ст. слов. *кнзасъ*, см. словарь къ Ягичеву издан. Маріинск. Еванг.); слово заимствовано въ общеслов. эпоху изъ языковъ германскихъ, указывающихъ на сочетаніе *-in-* (Mikl. Etym. W.).

22) *krĕti* «движеніе», *krĕtati* и проч (ст. сл. кратати, кратати, серб. крѣтати, польск. *krzątać się* «шататься, вертѣться»).

23) *lēša* «lens», *lēšišće* «поле занятое чечевицей», сравн. ст. сл. *лѣшта, болг. лѣща, мак. лѣшта (П. А. Лавровъ, Обзоръ 14), серб. лѣка [у Ц г.], лѣке [у Херц.] = по значенію сочѣиво, сравн. сочѣвица «Wasserlinse», которое = великорусск. *сочѣвица* или *сочѣвица* (Курм. у. Симб. г.). И въ области словѣнской есть указаніе на носовой : хорут. (въ зильск. долинь) *lenša*, *Miklošič*, *Vergl. Gram. I*, 309, 34. Основное **lentja* (сравн. лат. *lens*, *lentis*), *Mikl. Et. W.*

24) *lēcati* «гнуть», *lēkniti*, на—, *nalēči*—*lēšem* «натягивать» (сравн. ст. слов. лѣшти, лѣцати : лѣшати лѣ-ка свои, Псалт. Син. 152, Гейтл. 129, псал. 63); родств. польск. *lekać* «пугать», собственно—заставлять сжиматься отъ страха, *lekać się* = малор. *лѣкатись* (Потебня объяснялъ какъ «уклоняться», К истор. зв. рус. яз. IV, 16). Срв. также с. великорус. (петрозав.) *залѣчить* «задрать, поднять высоко» (Г. Куликовскій). Указ. родств. яз. см. у *Mikl. Et. W.*

25) *lēči*—*lēžem* «ложиться», «высиживать», *lēga* «лежаніе», «высиживание» (въ сербск. лѣжи—лѣжѣм «ложиться», лѣжи—лѣжѣм «высиживать», польск. *læg*, *leg* «гнѣздо», *legnać* «высиживать птиць, выводить», ст. сл. лѣгж, лѣжма *ōrns gallina* въ Ассем. Еванг., при чемъ съ лѣг—чередовалось лѣг—въ лѣшти, рус. *лечь* при *лѣжу*, польск. *leż*, *legnać*). Носов. сохранился въ Каринтіи : *kokoš je pišče vilengla*, *Mikloš*, *Vergl. Gr. I*, 309.

26) *lēdeja*, *lēdje*, *lēdvije* (при *ledvje*, *ledvica*); срв. ст. сл. лѣдвина Псалт. Син. 98, Г. 80, польск. *leđźwie* «поясница, чресла»....., русск. *лѣдвей*, чешск. *ledvina*.... Сравн. лат. *lumbus* (b изъ *dh*), К. *Brugmann*, *Kurze vergl. Gram. der indogerm. Sprachen* (Strassburg, 1902), с. 104 (§ 158).

27) *mēč*, — *ī*, f. 1) «размягченіе плода отъ лежки», 2) «мячъ», *mēča* «мякоть», *mēča plur. n.* «икры», *mēčati* «мягчать»..,

мѣка «размягченная часть плода», мѣkast размягченный» (при мѣhek, меѣiti «мягчить» и др.); сравн. ст. сл. макѣкѣ, македонско-солунск. мѣнкѹ вѣрами (Зарово), Стоиловъ, *ibid.* 10, Облакъ, *Maced. Stud.*... 19, сравн. у П. А. Лаврова, Обзоръ, с. 14. Миклошичъ сравнилъ mēcati «conterere» (въ зильской долинь Хорутаніи) V. Gr. I, 34, сербск. мѣк, мѣкан, мѣки «мягкій», мѣчити «давить».

28) мѣsnast «мясистый» (при meso, mesar, mesnat); срв. ст. сл. масо, польск. mięso, mięsiwo, сербск. месо, макед.-болг. менсо (Лавровъ, с. 14), солунск. мѣнцѹ (Зарово), Стоиловъ, *ibid.* Срв. др. инд. māsam, лат. membrum, см. К. Brugmann, *Kurze Vergl. Gr. I*, 204—205.

29) мѣsti—мѣtem и мѣdem 1) «rühren», 2) «verwirren», zmēsti—zmētem, smētki = zmētki «сбитое молоко», smētana 1) «сливки» (Milchrahm), smētanka «сбитое, сболтанное молоко» (Ruhrmilch); срв. ст. сл. матѣ—масти, русск. сумѣтица, «въ смѣтку» (яйцо). Сюда же, т. е. къ общеслов. *мат—, кажется, относится и меѣава²⁾ «мокрая погода» = серб. меѣава «снѣжная буря», сравн. русск. мятель которое, вслѣдствіе неясности произношенія перваго слога въ средне-великор. говорахъ, иногда пишется метель и ставится, такимъ образомъ, въ связь съ общеслов. *мет— «мести», «бросать».

30) рѣt «пять», рѣtdeset «пятьдесятъ», рѣti «пятый», рѣvек «пятница» (сравн. рус. пѣтѣкѣ=количество пять чегонибудь)

¹⁾ Впрочемъ, это слово, судя по польскому smiotana, smietanka, великорусск. с'м'отана «сливки» («вамъ какой с'м'отаны кислый иль с'вѣжій? »), слѣдуетъ отдѣлить и ставить въ связь съ общеслов. мѣтати «werfen»; въ словѣнск. и тамъ мы находимъ звукъ ɛ: mētati—mēḡem.

²⁾ Напротивъ, меѣава «мягкія части тѣла» относится къ общеслов. *мак—.

при *peták* «пятилѣтній», *petęřka*=*пѣтёрка* и т. д., сравн. серб. *pēt*, *pēti*, *pétak*=польск. *piątek*. Соотвѣтствія другихъ словянскихъ языковъ и родственныхъ индоевропейскихъ настолько извѣстны, что было бы странно приводить ихъ въ доказательство общеслов. *e* (а); укажу только еще солунск. *pěntŭk* (=пѣтѣж), Стоиловъ, *ib.*, Лавровъ, *Обзоръ*, 14.

31) *pęter* «чердакъ»; сравн. польск. *piątro*, *piętro* «ярусъ», чешск. *patro* «древко плуга», «нашесть», «ярусъ», «этажъ».

32) *pęti*—*pnēm* «натягивать», *spęti* «застѣгивать», «сшивать», ст. сл. *рас-пѣти*, *про-пѣти*, польск. *piąć się* «стремиться, взлѣзть», сербск. *pēti* «подымать», «протягивать». М. Et. W. *pen*; сравн. лит. *pinti* «плести», *pinklūs* «искусственный», *pintinis* «плетенка», н. в. нѣм. *spinnen*.

33) *pęd*,—*ī*,—«пѣдь», ст. сл. *пѣдъ*, польск. *piędz*, сербск. *pēd*, чешск. *píd*, солунск. *pēnda* (Стоиловъ, *ibid.*), ср. Лавровъ «Обзоръ», с. 14. Потѣбня (К истор. зв. III, 121) сравн. лит. *spindis* «ловище» (у Курш «просѣлка»).

34) *pęst*,—*ī*,—«пѣсть», «кулакъ», *pęškati* «бить кулакомъ», ст. сл. *пѣсть*, сербск. *pēst*, *пѣсница*, польск. *pięść* и т. д. Потѣбня (*ibid.*), перечисляя слова съ начальнымъ *s* подвижнымъ, роднитъ съ № 32.

35) *plęsati*=русск. *пласать*, польск. *pląsać*, съ нисход. ударен. *plēsac*.

36) *prędęc*, *pręjęc* «Spinner», *pręja*=р. *прѣжа*, *pręslica*, *pręsł*=*прѣсло*, *pręsti*, *prędem*=р. *прѣсть*, *пряду*, сербск. *прѣсти*—*прѣдѣм*, *прѣслица*, *прѣѣ* (удареніе согласно съ русскимъ и словѣнскимъ); съ выдвигною ударенія и широкимъ неударяемымъ *e* въ *prędiwo* (русск. *прѣдиво*=сербск. *прѣдѣво*); срв. ст. сл. *прасти*—*прѣдъ*, болг. солунск. *прѣнда*, 3 л. *прѣндѣ* (Стоиловъ, *ib.*, Лавровъ *ib.* 14: *прѣнджа*), польск. *prząść*, *przędza*; родств.

лит. *sprendziu* — *spřesti* «eine Spanne messen» (Kurschat). Срв. Mikl. Et. W.

37) *prěči*—*prěžem* (хорутанск. *vpreñči*, Mikl. V. Gr. I, 309), *prězati*—«застегивать», «связывать», *prěga*, *prěja*¹⁾ «пряжка»; родственно, но съ другимъ значеніемъ *prěza* 1) «тресканіе льняныхъ почекъ на солнцѣ», 2) «ловля блохъ», *prězanve* или *—vve*—«ленъ, почки котораго трескаются»; *prězati* 1) «трескаться, лопаться»: «*sočivje preza*», «*ršenica*» или вообще «*žito preza*», когда перезрѣетъ, и зерна начнутъ падать изъ колосевъ», 2) «заставлять трескаться» (о льнѣ), «заставлять прыгать», т. е. «ловить» (о блохахъ); сюда же и *prězati* «праздно смотреть», «зѣвать» (сравн. русск. «таращить, т. е. *напрягать*, усиленно раскрывать глаза»). Сравн. ниже съ основн. ж *prěga*, *prěgla* и т. д., а въ другихъ слов. нарѣчійхъ: ст. сл. прашти—*прагж*, сербск. *прегаль* «сырный червь», *спрѣга* «соединеніе воловъ разныхъ хозяевъ въ упряжи», *презати* «взглядывать съ просонья», русск. *напрягать*, *пряжка*, *упряжь*, польск. *spzagać* «упряжь», *spzegać* «спрягать», «соединять».....

38) *rěd*, *rěda*,¹⁾ *redū*, *rěd*,—*î*, *rěja* «дѣло», «производство», безъ ударенія *rediti* «приводить въ порядокъ», *dvě redi* «двадцать», съ краткимъ удар. *rèd* (*vred*) «вмѣстѣ» (сравн. болг. *врѣдомъ*, *врѣдъ*)²⁾. Сравн. ст. сл. *рядъ*, русск. *рядъ*, *порядокъ*, *ря-*

¹⁾ Вѣроятно, образовано отъ абсорбированной основы *prě*—(вмѣсто *preg-*), извлеченной изъ формы неопредѣлен. наклоненія.

²⁾ У Дювернуа неправильно написано *ъ*. Сравн. *рѣдѣ* «повсюду», приводимое П. А. Лавровымъ изъ сборника Тихоцкаго (Слов. 148). Впрочемъ, встрѣчающееся у писателей *ъ* можно объяснить произношеніемъ *rad*, *rat*, *svat*, *māso*, отиѣченнымъ въ сушскомъ говорѣ (Oblak, Archiv f. sl. Phil. XV, 305), срв. у Лаврова, Обзоръ, с. 30; однако, изъ упомянутыхъ словъ въ новѣйшемъ трудѣ (Maced. Stud. 21) Облакъ привелъ только *māso* со звукомъ *â*.

дѣтъ, польск. *gzađ*, болг.-мак. *рѣдѣ*, *рѣит* (Стоиловъ, *ib.* 10, Лавровъ, Обзоръ, 14), *rëndoví* (Oblak, M. St.), серб. *рѣд*, *rédoví* дѣти, чешск. *řad* и *řád*, *řiditi* и т. д. Напротивъ, основное общеслов. *e* предполагають *redíti* «питать», *řēja* «питаніе», «печеніе», срв. ст. сл. *редѣ* βρωσς Mikl. Lex. pal. Et. Wört. (изъ **rebh-d*, сравн. греч. ἐρέπτωμι «fressen», гдѣ π язъ *bh* черезъ посредство φ, какъ въ *хрѣп-ω*, сравн. также *седмь* изъ **sebdmī*, *хриѣ* при *хриб* —, Hoffmann, Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen her. v. Ad. Bezzenberger u. Prellwitz, B. 21, 2 H, 143)

39) **řega*, *řēja* «трещина», *řězati* «зѣять», *řegniti* — *řegnem* «лопнуть», «треснуть». Хотя пока не имѣю доказательствъ для общеслов. *a* здѣсь изъ другихъ словянскихъ нарѣчій («in fontt psl. non videtur legi», Mikl. Lex. palaeosl.), однако считаю возможнымъ предположить его на основаніи русскаго *на-рѣжь*¹⁾, въ которомъ позволю себѣ видѣть общеслов. *ж*, чередовавшееся съ *a*. Впрочемъ, если считать родств. польск. *rzęci* «стрекотанье, кваканье», малор. *регот* «хохотъ», съ которыми, думаю, родственны словѣнск. *řega* (съ широк. *e*) «лягушка», *řeglјuc* «гоголь», то придется отказаться отъ предположенія здѣсь носового; въ такомъ случаѣ основное значеніе послѣднихъ польск., малор. и словѣнскихъ словъ было бы «раскрытіе рта». Но возможно, что *řega* «трещина» и *řega* «лягушка», какъ показываетъ разница въ произношеніи *e*, этимологически различны (Миклошичъ въ Etymol. Wrtb. отдѣляетъ *reng* отъ *reg*). Во всякомъ случаѣ, однако, представляется вѣроятной этимологическая связь *řega* съ *reglјina* «зѣющая яма, пропасть», а съ послѣднимъ, повидимому, родственно *reglјati* «квакать» (сравн. русск. *звѣать* въ значеніи «кричать»); разница въ измѣненіи *e* можетъ зависѣть отъ исконной разницы удареній: **řega* и **rega*^u (срв. *křža* и *kóza*).

¹⁾ Сравн. у Маценауера, «Přispěvky ke slovanskému jazykozpytu» (Listy filol. 1884, seš. III и IV, 177, *ibid.* 1889, с. 178).

40) *rěsa*, *rěsica* при *resina*—«ость (Granne) на колосья», *rěsast*, *rěsnat* (*resnata pšenica*), *rěsnica*—пшеница съ длинными остьями (*Bartweizen*), а *resnica* «истина» (основное *ь*). Сравни ст. сл. расънх, расъница *ciliun*, польск. *rzeża* «рясенина», *rzesisty* «густой, частый», русск. *рѣса*, *рѣска*, *рясеница* (конечно, безъ всякаго этимологич. основанія выдумали писать *рѣсеница*, см. Гротъ, Русск. правописание).

41) *sědem* при *inf. sěsti* (ст. сл. сѣдх—сѣсти, русск. *сѣду*, *спеть*, польск. *siaść* при *sieść*, *siadać*).

42) *sěci*, *sězem*, *ségati*, *sěgniti*. *sěgнем*, *osežati*—«протягивать, простирать, хватать», *sěgljaj* «хватаніе», «горсть», «шепотка»; сравни ст. сл. сѣгнѣти—досазати (з вмѣсто з) и проч., др.-руск. *сѣчи* (Дювернуа, Мат. для слов др.-русс. яз.), в-рус. *досѣять* (лѣшѣтъ з гѣлѣду *досѣями чѣрьс плѣтѣн траву*, Курмышск у. Симв. г.), *сѣжень* вмѣсто **сѣженъ* (ст. сл. **сѣжнь*), польск. *siąg m.*, *sięga ж.* «однополѣнная сажень», *doświadcz*, *dośięgnąć*, чешск. *sáh* «сажень», *sahám*, *sahnu* и проч.

43) *srěsa* «счастіе», *srěsn*, «счастливый»; сравни ст. сл. сѣршѣта (на сѣршѣтѣ въ Супр. сб. 217, 19) *occursus*, *casus*; здѣсь глаг. основа **рѣт*—чередуетъ съ *рѣт*— (ст. сл. сѣрѣсти—сѣршѣтѣ), вслѣдствіе чего и отглагольное существительное могло въ отдѣльных языкахъ получать тотъ или другой видъ: сербское *срѣка* по говору Вука Караджича не можетъ дать указаній на то, къ чему восходить здѣсь *е*, къ *а*, или къ *ѣ*, такъ какъ краткое *ѣ* (изъ стар. *ѣ* съ общеслов. восходящимъ удареніемъ) послѣ сочетанія согласнаго звука +*р(г)* отражается какъ *е* и въ говорахъ іекавскихъ¹⁾, вслѣдствіе чего и въ срѣсти—срѣтемъ при *сријетати*—сријетамъ мы въ правѣ предположить основное *ѣ*, но что здѣсь *ѣ* проникало и въ формы, можетъ быть, имѣвшія нѣкогда рефлексъ *а*, доказываетъ *srěsa* у старыхъ далматин-

¹⁾ Сравните *брѣза*.

скихъ поэтовъ, писавшихъ по икавскому нарѣчію (напр. у Луцича, St. p. VI, 233, Воскресенскій, Слав. христом. в. II, 118), и *srieća* у далматинскихъ *ieкавцевъ* (у Гундулича, см. *ibid.* 135—136). На носовой ясно указываетъ хорутанское (зильск. дол.) *srenčati* (Mikl. V. Gr. I, 34).

44) *svĕt* — *svĕta* «святой», *svĕtĕc* = *svetník* «святой» (какъ сущ., срв. русск. мн. ч. *святцы*), *svĕtník* = *svĕtek* «праздникъ» (срв. русск. мн. ч. *святки*), но *svetlica* «святая», *svetôst* «святость»; срв. ст. сл. *сѣтъ*, польск. *święty, świętek*, болг.-макед. *svntec* (Oblak, 19), свѣнтѣц (Стоиловъ, 10), литовск. *šventas*.

46) *šĕditi, šĕdeti* «щадить» (но *šcedljiv*), срв. ст. слов. *штѣдѣти* при *сѣдѣхъ* «*inops*» съ носовымъ *o*, польск. *szezędzić*, русск. *щадить*.

47) *šĕtnja* «прогулка», *šĕtati se* «гулять» (но *šetališče* «мѣсто прогулки»); срв. ст. сл. *шатание, шататися*, русск. *шататься*, великорус. *отшататься* «отойти», «уйти» (Курм. у. Симб. г.), сербск. *шѣтати* «гулять», болг. *шѣтам* и *шѣтамъ*, чешск. *šátám* «двигаю, качаю».

48) *tĕg* — *tĕga* (*tegā*) «течение», «стремление», «поѣздъ», «поденная работа», «хлѣбъ», «тяжесть», *tĕga* = *tĕža* «тяжесть», *tĕgniti, tĕzati, raztĕgati, stĕgati, tĕžn, tĕžje, tĕza* «истязаніе», *tĕhta* (**тагхѣта*), *tĕhtati, tĕhten*, но безъ ударенія: *tegóta* «тяготá», «бремя», *težák* «поденщикъ», *težáven* «трудный», *težina, težišče, težíti* «отягощать», *stežā* «дверной крюкъ». Срв. ст. сл. *таг* — въ *тагнѣти* «*trahere*», *тагота* «βάρος», *тагъ* «*labor*», *тажаръ* «*γερρός*», серб. *tĕg* = слов. *tĕg*, *тѣжакъ* «земледѣлецъ», *тегѣта, тѣжити* «стремиться», *тѣжити* (землю) «обрабатывать» и проч. ¹⁾, польск. *ciąg, ciągły* «постоянный», *ciężki* и проч., болг. *тегло*

¹⁾ См. интересную статью Фр. Курельца «O korenu teg i njegovih žilicah», Rad IX (1869), 17—64.

«вѣсь», тѣгнѣ, тѣжѣтъ, макед. тѣнжи (Стопловъ), русск. *тѣа*, *тѣлый*, *тѣло*¹⁾, *тѣлѣть*, *тѣжестъ* и т. д., чешск. *tah* изъ **tjah*, **tjäh*, *těž* — изъ **tjāž* —, *těžný* «обработанный», *těžař* «земледѣлецъ», *těžiti* «обрабатывать». Общеслов. **таг* — «сближаютъ»²⁾ съ греч. *τάσσω* въ знач. «налагать подать» (срв. русск. *тѣло*), въ которомъ, такимъ образомъ, слѣдовало бы предполагать **tzng + i* или скорѣе **tzngħ + i* —, такъ какъ *g + i* даетъ въ греческомъ яз. ζ (дорич. δδ, лезбійск. σδ)³⁾.

49) *trēs* «дрожаніе», *trēsuk* «землетрясеніе», *trēsti* — *trēsem* «трясти», *trēsavica* «дрожаніе», «лихорадка», но *tresāj* «колебаніе», *tresav* «дрожашій». Срв. ст. сл. *трасти*, сербск. *трѣсти*, польск. *trząsé* и т. д.

50) *věcati* «увеличивать», *věči* (горицко-венец. *věnči*) = *věkši* «большій» (но *večina* «большинство», *věš* «больше», «но», срв. сербск. *вѣћ*); срв. ст. сл. *ваште*, польск. *wieścij*, *wieśc*, *większeć* (*więtszeć*) «увеличиваться», др.-русск. *вѣче* —, *вѣтшии* изъ *вѣчшии*⁴⁾, чешск. *více* изъ **viece*, *Václav* изъ **Viacslav*.

51) *věcati* (но *večim*: *zajec věci*), *věkati*, *věkavce* (но *ve-kāv* прилаг.) — «кричать», «плакать», «крикунъ», «пискунъ»; срв. сербск. *вѣк*, *века* = «козји гласъ», в. русск. *вѣкать* (Арх., Подвысоцкій), напр. *кошка вѣчет*; къ сожалѣнію, другихъ указаній на основное *а* здѣсь, кромѣ русскаго *я*, мы не имѣемъ.

52) *věduř* «вялый», *vědlost*, *vědniti* — *vědnem* (но *vedlěti*) — «вянуть»; срв. ст. сл. *ванѣти*, *приванѣти* (срв. нѣм. *schwin-*

¹⁾ О русскомъ *тѣло* см. у Потебни, «К истор. звуков русск. языка» III, 112.

²⁾ Zupitza, «Beiträge z. Kunde d. indogerm. Sprachen», her. v. Bezenberger u. Prellwitz, 25 B. (1899), 89.

³⁾ О. Е. Коршъ, Нѣсколько замѣчаній къ греческой фонетикѣ Бругмана, Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества, т. 8 (1896), с. 44.

⁴⁾ См. «Матеріалы для словаря др.-русск. яз.» И. И. Срезневскаго, s. v.

den), польск. *więdnąć* и проч., см. Mikl. Lex. pol. и Etymolog. Wörterbuch.

53) *věz* 1) «повязка», 2) «вязь» (дерево), *vězati*—*věžem* «вязать», *věznik* «союзъ» (но *vezaŭa* «связь»). Основн. д, какъ показываютъ соотвѣтствующія формы польскаго, русскаго, чешскаго яз. (см. Mikl. Etymolog. Wörterbuch), несомнѣнно; относит. количества и ударенія любопытно соотвѣтствіе сербск. *vézati*—*vežem* и *věsti*—*věžem* (=великорусск. *вязу́* отлично отъ *везу́*), польск. *więz*, *więza* «связка», *więzić* «держать въ узахъ», *więzu* «узы», *więdnąć* «вянуть», *więzina*, *wiąz* «вязь», *wiązać* *вяза́ть*.

54) *zēba* «зябликъ», прилагат. *zēbji*, *zēbsti* — *zēbe* «мерзнуть»; основное д доказано (см. Mikl. Et. Wörterb.). Различая троякое *zemb-* (1. *dilacerare*, 2. *frigere*, 3. *germinare*), Миклошичъ всетаки подъ конецъ сводитъ ихъ къ одному. Сравн. серб *zeба*, польск. *zieba*, *ziebnać*.

55) Ф. род. ед. *zēta* (им. ед. *zēt*, сравн. сербск. *зет*, *зета*, такъ что словѣнское восходящее удареніе здѣсь, какъ и въ *bráta*, соотвѣтствуетъ сербскому рѣзкому), *zētac* «крестникъ»; ст. сл. *затъ*, литовск. *zėntas*.

56) *žēden*—*žējen* «жаждущій», *žēj* м. р., *žēja* ж. р. «жажда»; общесл. жад- изъ **žind-* при жид- (жѣд-), сравн. лит. *geidžiù*; см. Fortunatov, *Phonetische Bemerkungen*, Archiv für slav. Philologie, XI, 573.

57) *ožēti*—*ožamem*, *ožmēm* «выжимать», ср. сербск. *жети*. Общесл. д ясно.

58) *žēl*,—*ŕ* «жатва»=*žētev*, *žētac* «жнецъ»; сравн. ст. сл. жатва, серб. *жети*, *жетва*; родств. литовск. *genėti* «обрубать сучья» и м. б. *ginù*—*ginti* «отгонять», «оборонять».

59) Въ суффиксальныхъ слогахъ: а) формы извѣстныхъ числительныхъ, гдѣ *e* является частію благодаря выдвигкѣ уда-

ренія: *desēt*, *devēt*, частью благодаря старому ударенію на *а*, *desēti*, *desētika*, *desētek*, *devēti*, *devētka* (при *desetina*, *devetina*), б) формы извѣстныхъ существительныхъ съ основами на *а*: *imē*, род. *imēna*, *dēte*, — *ēta*, *detēċji*, *detēċce*, *detēštvo*, *jagnjētina* и проч.; в) формы отглагольн прилагат. и нарѣчій: *žgēca* (при *žgēċ*) «жгучая», «горячая», при чемъ здѣсь старая причастная форма **žgoŭ* (ст. сл. *жыгжци) подѣ влияніемъ новой формы наст. вр. изъяв. накл. *žgēm* (при *žgāti*) замѣнила свое *о* черезъ *е* (м. б. и подѣ влияніемъ глагольныхъ формъ 3-го и 4-го кл.), *spēċki* «спя».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что долгое *е* изъ *а* является какъ *е*, при чемъ это возможно какъ подѣ нисходящимъ (на старомъ мѣстѣ или благодаря выдвигѣ), такъ и подѣ восходящимъ удареніемъ. Однако, подѣ послѣднимъ мы иногда находимъ широкое *е*, которое, такимъ образомъ, является рефлексомъ не только краткаго ударяемаго (въ закрытомъ конечномъ слогѣ) и неударяемаго *а*, но и долгаго въ извѣстныхъ случаяхъ: мы встрѣчаемъ не только *čestit* «счастливый», *dresēl* «печальный», *jegŭlja* «угорь» (*частитѣ, *драселѣ, *ягоуля), но и *blēsti* — *blēdem* «врать», «сочинять», *grēda* «грядѣ», *jēšmen* «ячмень». Такъ какъ словѣнское восходящее соотвѣтствуетъ не только общесловянскому ударенію на слѣдующемъ слогѣ, но и общесловянскому на томъ же слогѣ, являющемуся въ сербскомъ яз. въ качествѣ рѣзкаго, то возникаетъ вопросъ, не является ли широкое долгое *е* лишь подѣ тѣмъ восходящимъ удареніемъ, которое находится на новомъ мѣстѣ. Это подтверждается, повидимому, указанными тремя примѣрами, имѣющими въ русскомъ языкѣ удареніе на слѣдующемъ слогѣ; но сербскій яз. можетъ подтвердить вполне только *grēda*, такъ какъ перваго слова нѣтъ у Вука Караджича, а послѣднее онъ отмѣчаетъ съ рѣзкимъ удареніемъ, хотя и приводитъ рядомъ и другую форму *jēcam* съ слабымъ удареніемъ. Кроме того, и среди словъ, имѣющихъ *е*, есть такія, въ которыхъ мы должны, повидимому, предположить общеслов. удареніе слѣдующаго слога: таковы *jēza* (серб. *jēza*, русск. *и́а*),

lěsa (сербск. черног. лѣса), mēsti—mētem (русск. *мятѹ, смятѣніе*), plēsati (русск. *плясать*, польск. *plasać*, см. Lorentz, Archiv f. slav. Phil. XIX, 161), sēgati,—tēgati (русск. *дослѣать, растлѣать, протялѣать*, сербск. *растѣзати*), vēzati (рус. *вязать*). Вслѣдствіе этого я принужденъ пока воздержаться отъ рѣшительнаго сужденія и ограничиться предположеніемъ, что въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ случаевъ могло сказаться вліяніе другихъ формъ, или что и сами приведенныя формы нетождественны по ударенію съ сравниваемыми съ ними русскими: возможно, напр, что jēza по ударенію тождественно съ польск. jędza (по закону Лоренца), и что приведенные глаголы длительного вида нужно сравнивать съ русскими на —*ивать*, —*ивать*, какъ *протлѣивать, развѣивать* и т. п., въ которыхъ, однако, накоренное удареніе едва ли первоначально (срв. сербск. *привезивати, привѣзужѣм*); не оказывала ли вліяніе ф. наст. вр. вѣжѣм, вѣжѣ (русск. *вѣжеть*)¹⁾?

Я разобралъ только случаи появленія е вмѣсто общеслов. носового е. Слѣдовало бы разобрать и случаи е вмѣсто общесл. е и рѣшить такимъ путемъ вопросъ, не вполне ли совпали въ однихъ звукахъ рефлексъ этихъ общесловянскихъ звуковъ (на такое предположеніе меня наводятъ случаи, какъ debēlce «дебелый человѣкъ», dresēl «печальный», гдѣ е замѣняетъ общеслов. е). Но за недостаткомъ времени я пока оставляю этотъ вопросъ открытымъ и думаю, что во всякомъ случаѣ число примѣровъ е изъ е носового должно быть больше числа е изъ

¹⁾ Валявецъ (Prinos k naglasu u (novo) slovenskom jeziku, 6. Naglas u glagola, B, с. 79 отд. оттиска изъ LXVII и LXVIII knj. Rad-a 1883 г.) говоритъ, что въ крайнемъ нарѣчій / на слогъ передъ суффиксомъ je въ формахъ наст. вр. имѣютъ большинство основъ, которыя передъ этимъ суф. *односложны и длительны* (по значенію), и что, какъ скоро онѣ получаютъ многократное значеніе, / мѣняется на ѣ: gíblēm, но nagíblēm, mēēm но namēēm; въ числѣ такихъ онъ приводитъ и vēže «ligare», которое у Плетершника, однако, всегда имѣетъ акутъ, какъ и namēēm.

е уже потому, что всякое е носовое первоначально было въ общеслов. языкѣ долгимъ, а е краткимъ звукомъ, и лишь позднѣе въ діалектахъ общесловянскаго языка часть носовыхъ е подвергалась сокращенію (различно по діалектамъ), часть краткихъ неносовыхъ е удлинению по разнымъ причинамъ¹⁾. Замѣчу еще, что словарь Плетершника, какъ словарь, хотя и приуроченный къ произношенію ниже- и среднекраинскихъ говоровъ, заключающій однако въ себѣ словарные матеріалы изъ разныхъ словѣнскихъ мѣстностей, вошедшіе въ литературный языкъ, даетъ примѣры даже и для е, восходящаго къ общесл. ѣ, которое, какъ извѣстно, въ краинскихъ говорахъ въ долгихъ слогахъ измѣнилось въ чистое а и слѣдовательно не могло дать узкаго долгаго е. Таковы: dĕn вм. dān (вост. штир., угорск.), došĕstek, —stka = prihod со ссылкой на словарь 1670 г. Хабделича, на Миклошича, Янежича и на *кайкавское* нарѣчіе, откуда взято черезъ Валявца²⁾, prišĕstek со ссылкой на словарный матеріалъ Цафа и на Валявца³⁾, odšĕst, odšĕstje, odšĕstek (—stka) = odhod со ссылкой на Цафа, Хабделича, Миклошича и *кайкавское* нарѣчіе черезъ Валявца³⁾, роšĕstek (—stka)³⁾ «отходъ», «смерть», роšestje (?) со ссылкой на угорское нарѣчіе и Цафа⁴⁾,

¹⁾ August Leskien, Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen. I. B. C. (Leipzig, 1893), с. 529—532 Abhandl. philolog.-hist. Cl. Kön. Sächs. Ges. der Wissenschaften XIII B. Срв. также В. X, стр. 71 и сл.

²⁾ Prinos k naglasu u novoj slovenštini, 2. naglas u substantiva mužkoga roda (отд. от. XLV—XLVIII кн. «Rad» а 1878 г.), 97(=došĕstek ib. 108, došĕstek 97).

³⁾ Ibid. 108.

⁴⁾ По ударенію срв. prišestje «приходъ» (Megiser, Янеж., угорск. по Миклош. и Валявцу, Цафъ), «будущее» (угорск. Ц.). Кстати позволю себѣ предложить одну этимологію, которая напрашивается при разборѣ слова роšestje: въ словѣнскомъ есть слово роšast «призракъ», «чудовище», и мнѣ кажется, что при сравненіи по значенію съ роšĕstek, роšestje, и здѣсь можно предположить основное значеніе «смерть», какъ «отходъ», и что а здѣсь, такимъ образомъ, правильно по краински замѣняетъ ѣ подъ долгимъ удареніемъ.

prîšestep (—stna) «будущій» со ссылкой на Мегизера (словарь 1592 и 1744 г.), Янежича, угорское нарѣчіе (по Миклошичу и текстамъ, напечатаннымъ Валявцемъ въ Лѣтописи Матицы Словѣнской 1874 и 1877 г.) и Цафа, prîšestnik «пришлецъ» (угорск. —Ц., т. е. Цафъ), prîšestnost «будущее» (Ц.). Эти примѣры узкаго закрытаго *e* какъ рефлекса общесловянскаго прраціональнаго гласнаго, которыхъ можно подобрать немало, весьма любопытны въ діалектическомъ отношеніи, характеризую произношеніе примурскихъ говоровъ. Облакъ такъ описалъ¹⁾ рефлексы прраціональнаго гласнаго (изъ общеслов. *ǣ* и *ь*) въ межмурскомъ говорѣ (въ юговостоку отъ Лютомира, недалеко отъ штирійской границы): въ тѣхъ слогахъ, гдѣ словѣнскій и сербохорватскій языки имѣютъ долготы, является закрытое *e*, а въ слогахъ, которымъ отвѣчаютъ въ словѣнскомъ и сербохорв. слоги краткіе, — широкое открытое *ǣ*, въ неударяемыхъ краткихъ слогахъ — нѣсколько редуцированное *e*: *dén*, *dénes*, *rěsja*, но *dǎšc*, *rǎs*, *mǎgla*, при чемъ въ *dénes* такое *e* онъ приписываетъ вліянію *dén* (сербск и словѣнск. *dan*); какъ и въ словѣнскомъ *danēs* и даже *dónes* (по выговору²⁾ въ Люблянѣ, Новомъ Мѣстѣ и другихъ нижнекраинскихъ мѣстностяхъ) звукъ *a* — *o* замѣнилъ болѣе древнее *e* въ *denēs*, а закрытое *e* въ словѣ *dén*, какъ отмѣчаетъ Облакъ (ib.), уже въ XVI столѣт. въ райкавинѣ писалось какъ *deen* и *dien* (въ хроникѣ Врамца).

¹⁾ Nešto o meĵumurskom narječju, Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena, izd. jugosl. akad., svezak I (1896) uredio prof. Ivan Milčetić, стр. 44—45.

²⁾ Шкрабець (Свѣтъ IX, 4) объясняетъ *dónes* изъ *denēs* переносомъ краткоу ударенія съ конечнаго на предшествующій слогъ, что вызываетъ широкое произношеніе гласнаго этого слога: *e*, *ǣ* и *ь* измѣняются въ широкое *e* (*žena*, *pěta*, *vrěme* въ *žēna*, *pēta*, *vrēme*), о и *ǣ* въ широкое *o* (*koza*, *mǎski* въ *kōza*, *mōski*), а и *e* въ *o* или *e* (*děleč*, *sótor*, *dónes*); *danēs* онъ считаетъ формой книжною, поправленною по аналогіи *dan*.

Неречислимъ теперь случаи отраженія ж черезъ ѡ, т. е. о.

А. въ коренныхъ слогахъ: 1) blǫd, blǫda, blǫdba «ошибка», «заблужденіе», «мечта», blǫdъn «блуждающій», blǫditi «блуждать», blǫja «смѣсь», но безъ ударенія blodivъse, blodnik; срв. ст. сл. блѣдъ, блѣдити; по ударен. согласно сербск. блѣдѣти (блѣдимъ), но отношеніе блѣднѣ, блѣднѣк для меня неясно, макед. блѣнд'а «скитаюсь» (Стоиловъ, 5).

2) bǫbъn «бубень»; Миклошичъ сравн. лит. bambėti «бормотать» Et. W., ib. формы другихъ слов. языковъ.

3) ѡbъr, —bra «satureia», ср. сербск. ѡубар «satureia hortensis», польск. саbr, саber, цаbr, цаber, —bru, — «чаберъ», «дикий тминъ», чешск. ѡabr, ѡabr, болг. ѡбръица ѡбръица (зап. и макед.) «горная трава», «мята»; русск. чаберъ, чешск. ѡabr, по-видимому, предполагаютъ основное л, польскія и болгарскія формы (при извѣстномъ смѣшеніи юсовъ послѣ смягченныхъ звуковъ) могутъ восходить къ ча—и къ чж—; формы словѣнская и сербская, а также и чешск. ѡabr—къ основн. чж—.

4) dǫb «quercus sessiliflora», dǫbъse, ст. сл. дѣжъ = дрѣво (см. V. Jagić, Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslav. Sprache, II, 64), русск. дуб «quercus», дѣба, дубѡк, польск. dąb, dębu, dąbek, сербск. дѣб, дѣбак, дѣбац, макед. (Сухо) dǫp, dǫmbè (Oblak, M. St. 19), дѣмп, дѣмбѡт (Зарово и Висока, А. П. Стоиловъ, 6). M. Et. W. срв. пот. timbrjan, timrjan, а. с. timbar, д. в. нѣм. zimbar «дрова».

5) ne-dǫžъn «больной», «недужный», ne-dǫžъje «нездоровье», «недугъ»; срв. недѣжъ «morbus», польск. nadażać «конкуррировать», dażуé «стремиться», малорус. дѣжати, дѣже, недѣжати (словарь Пискунова). M. Et. W. сближаетъ ст. сл. дѣжъ «веревка», см. выше deга «ремень», и сравниваетъ относительно перемѣны значенія общеслов. сила.

Родств. вѣроятно, dǫga = 1) серб. дѣга «гну́тая доска для бочекъ» 2) серб. дѣга, рус. ду́га, ра́ду́га.

6) *dr̥g̃g* «шесть»; сравн. польск.-каш. *drag*, сербск. *дрѹга* «прялка», макед. (Стоиловъ, 6) *дрѣнк*, *дрѣнгò*, чешск. *drouh*, М. Et. W.; Миклошичъ сравн. *поддржжити* «просверлить» и **драг*— (ср. выше *dregati*).

7) *dr̥g̃k* «пестъ» (срв. малорус. *друк*, *дручòк*), *dr̥g̃kati*—*dr̥g̃kam* «толкать» (ср. ст. сл. *држити* «мучить», польск. *dręczyć*, рус. *удручать*, М. Et. W.)

8) *g̃r̥ba* «губка», «грибъ», *g̃r̥bast*, *g̃r̥bav*, *g̃r̥bar*, *g̃r̥bavce* «прокаженный», *g̃r̥buc* «ротъ», *g̃r̥blja*. Срв. п. *gr̥ba* «ротъ», «*губы*», сербск. *гѹба* «проказа», *гѹбав* и проч., *гѹбац* «носъ корабля», сравн. М. Et. W., макед. *г̃mba* (*Oblak*, М. St.), *г̃мбъ* (Стоиловъ).

9) *g̃r̥dba* «музыка», *g̃r̥dec* «музыкантъ», *g̃r̥sti* — *g̃r̥dem*, *g̃r̥sli*, *goslár*; сравн. ст. сл. *гѣдж*—*гѣсти*, сербск. *гѹсле*, польск. *gędźba* (*Kraszewski*, *Stara baśń*, III, 38), *gęśle* и проч. Сравн. М. Et. W. Родств. греч. *κίνηρος* (Коршъ, Сборн. Харьковск. истор.-филол. общ., т. 8 (1896 г.), с. 51).

10) *g̃r̥ž*, — *ī*, «гужъ», *g̃r̥ža*, *g̃r̥žva* «изогнутый прутъ», «связка прутьевъ».

11) *g̃r̥ž*=*v̥r̥ž* «пйавка», сравн. русск. *ужъ*, польск. *wąż*, *wężyk*...

12) *g̃r̥st*, ж. р. *g̃r̥sta* «густой», *g̃r̥šča* (но *gošča*, *gostost*) «гуща», «чаша», *g̃r̥stokrat* «часто», сравн. сербск. *гѹст*—*гѹста*, рус. *густ*—*густа́*, польск. *gesty*¹⁾ и проч. См. М. Et. W.

¹⁾ Согласно съ известными выводами Лоренца, польское *ę* не въ конечномъ открытомъ слогѣ указываетъ на старое удареніе на носовомъ гласномъ (*Archiv f. slav. Philologie* XIX, 161), польск. *ą*—на удареніе слѣдующаго слога. Польское *gesty*, несогласное по этому правилу съ великорус. *густой*, малор. *густій*, согласно съ сербскимъ *гѹстѣмъ*, срв. степ. *гѹшѣмъ*, рус. *гѹще*: удареніе русской членной формы обязано вліянію четленной (*густа́*==серб. *гѹста*).

13) grqb, grqba — «грубый», «массивный», ср. ст. сл. грѣхъ и проч. Миклошичъ (Et. W.) сравн. лит. grumbù—grūpti (Куршатъ); интересно и приводимое имъ заимствованное мадярское goromba «dick, roh». Въ сербск. грѹб, грѹба.

14) grqd, «грудь»; носовой доказанъ: мак. грѣнди (рефлексъ е нос. вмѣсто о нос, Стоиловъ, 6), см. Mikl. Et. W.; ударение въ сербск. грѹди мн. ч, род. грѹдӣ.

15) grqzati «передвигать ч. н, копаться въ ч. н.», rogrqziti, rogrqzniti (—grqzнем)—«погружить» (но groziti «погружать», «опускать», при чемъ безъ предлога является полное совпадение въ фонет. отношеніи съ groziti «пугать», «угрожать», между тѣмъ какъ съ предлогомъ rogroziti «погрозить» въ отличіе отъ разбираемаго нами глагола сохраняетъ ударение безъ предложной формы); ст. сл. грѣзити (сравн. грѣз=слов. grez—, см. выше) и формы другихъ слов. языковъ см. у Микл. Et. W., гдѣ приводится и родств. литовск gramzdŷti. Для ударенія сравните польское grezu¹⁾, русск. грѹзы, польск. nagrążać, rogrążać, rogrążyć, рус. погружать.

16) halqga «низкій терновникъ», «водяная (озерная, болотная) трава», halqza «кустарникъ», «сорная трава» (отношеніе зкъ g неясно), halqzje; сравн. ст. сл. халжга φραγμός, saeres, сербск. халуи «сорная трава» (въ Бачкѣ), «пропасть», «разсѣлина» (въ Черногоріи).

17) hlqd «обтѣсанная дубина»; ст. сл. хлѣдх, хлѣдинѣ «прутъ, прутья», чешск. chloud «палка», chloudí «зеленыя еловые сучья», рус. хлудѣ, діал. великорус. (Курм у. Симб. г.) хлудѣина «большая палка», «дубина», «хворостина», при чемъ въ этомъ словѣ такое же паразитное з слоговое (ирраціональное а), какъ и въ

¹⁾ См. предшеств. примѣчаніе.

словахъ *kwělit'* «дразнить», «заставлять плакать» (срв. чешск. *květi* «плачь», др.-рус. ст. ел. *цвѣлѣти* и т. д., слов. *cvělití* — *cvělim*, сербск. *цвијелити* «огорчать», «заставлять плакать» при *цвијелети* «плакать» = малорус. *квиліти*), *tworóti* (вм. творѣтъ), род. *tworótu*, и мн. др. О причинахъ и условіяхъ развитія этого ирраціональнаго звука въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ я подробно говорилъ въ одной изъ своихъ статей, къ сожалѣнію, полемическаго характера, вслѣдствіе чего и выводы мои остались совершенно никѣмъ не замѣченными¹⁾. Тѣмъ не менѣе повторять здѣсь все сказанное мною тогда я считаю не совсѣмъ удобнымъ, а ограничусь лишь указаніемъ, что приведенныя мною аналогичныя явленія развитія паразитныхъ гласныхъ между двумя согласными, изъ которыхъ одинъ (второй) есть согласный длительный, въ области южнославянскихъ языковъ могутъ быть увеличены многочисленными примѣрами изъ говоровъ словѣнскихъ, какъ тогда же мнѣ напомнилъ объ этомъ пат. Ст. Шкрабецъ (сравн. напр. *dávri* изъ **dъvri* ← **dъvъri* ← **dъvri*, при чемъ побочная форма *dúri* изъ **dъri*²⁾, которое изъ **dъvri*, но точнѣе было бы: *dáuri*³⁾ изъ **dъuri*, которое изъ **dъvъri* и т. д., а *dúri* изъ **dъuri* и т. д.).

18) *hrěšě* «жукъ», «хрущъ», сравн. выше *hrest-* (родственно, но нетождественно польск. *chrząszcz*, т. е. *chśaśc* изъ **храшчъ* ← **храстѣжъ*).

19) *jěcati*, *jěkatí* «плакать», *jěk* «плачь». Сравн. съ носов. е выше указ. *jek*.

20) *kěša* «хижина», *kěška* «домикъ», *kěšag* «владѣтель хижины» (безъ ударенія *košan*, *košariti*, *košuga* и проч.); сравн. ст.

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1900 г., ноябрь, с. 255—261.

²⁾ Сравн. *Cvetje XX teč.* (1902), 2 zv., сравн. также *XII teč.* (1893), 12 zv. («Nekoliko slov. slovnice za poskušnja», § 10, II), 11 zv. (въ концѣ).

³⁾ Шкрабецъ, какъ сказано выше, употребляетъ вмѣсто буквы *ѣ* въ такихъ случаяхъ *ѵ* (*ѣ* съ опрокинутой запятой вверху слѣва), которое у него и значитъ неслоговое *и*.

сл. кѣшта, болг. кѣшта, серб. кѣша. Отношеніе слов. ударенія въ кѣша къ сербск. кѣша такое же, какъ слов. кѣша къ сербск. кожа, т. е. слов. восходящее удареніе соотвѣтствуетъ здѣсь сербскому рѣзкому, которое, какъ доказано Лескиномъ, является на сократившихся нѣкогда долгихъ гласныхъ подъ общеслов. восходящимъ удареніемъ. Если мы обратимъ вниманіе на то, что слова кѣша и кожа образованы съ помощью одного и того же суффикса ја (изъ первонач. iā), то имѣя рядомъ съ кожа слово коза (слов. kóza, русск. козѣ), которое является сравнительно съ кожа болѣе первообразнымъ (сравни. Mikl. Et W., Štrekelj, Archiv f. sl, Phil. XI, 462 — 463), мы естественно ищемъ и для разбираемаго слова такой же параллели и, не найдя ея, стараемся возстановить её по крайней мѣрѣ косвенно, что представляется возможнымъ въ виду существованія слова ¹⁾ кѣтъ «уголъ», «кутъ», сербск. кѣтъ, род. кѣта, великорус. и малор. кут, кута́, кутѣкъ, польск. kąt, макед.-солунск. кѣнт (Стоиловъ, 7), чешск. kout, словѣнск. kŕt, kŕtek, kŕtes «уголъ», «уголокъ», kŕtast «угловатый», kŕten (kotni zob=kŕčnik, kŕčnjak); согласіе русскаго и сербскаго ударенія въ ф. род. ед., въ связи съ восходящимъ удар. имен. ед. въ словѣнскомъ, достаточно свидѣтельствуется объ исконномъ удареніи на суффиксѣ, которое, несомнѣнно, было бы и въ словѣ ж. р. съ основой на а въ родѣ коза́, если бы такое сохранилось, а тогда соотношеніе *kŕntja: *kŕntá=*kŕzja: kŕzá было бы полное. Миклошичъ (Et W.) ста-

¹⁾ Я не вижу основанія, почему бы слова кѣшта—кѣша и кѣтъ—кот—кутъ, столь близкія по звукамъ и значенію, не могли быть приводимы въ генетическую связь (Маценауеръ еще въ 1882 г.—List. Fil. III, IV, 184—185, выводилъ оба изъ корня кѣтъ-«abscondere, tegere»); по этой этимологіи кѣшта значило бы постройку, имѣющую уголъ; впрочемъ, и значеніе слова кѣтъ могло быть прежде болѣе конкретнымъ, соединяясь съ понятіемъ извѣстнаго рода примитивной постройки; интересно въ этомъ отношеніи макед. kŕnt «Platz beim Herde» (Oblak, Maced. Stud. 19).

вить кѣтъ (kontŭ) отдѣльно отъ konšta (sic! — вмѣсто *kontja, какъ ясно изъ сопоставленія формъ словянскихъ языковъ), но сближаетъ съ первымъ ст. слов. сѣкѣтати «sepelire», переносно «comprescere» (Lex. pal.), что весьма вѣроятно, сравн. также болгарск. сѣкѣтамъ «спрячу, сберегу», русск. *кѣтать*¹⁾; основное значеніе этого глагола было бы «власть въ уголъ».

21) kŭs «кѣсокъ», kŭsvk, kŭsčvk, kŭsoma. «кусками», kŭsast («k. pes, ki nima selega гера» бѣлокраинск.) «безхвостый». Ср. ст. сл. кѣсѣ, п. kēs, kasek, kasać, ср. лит. kándu—kaŭsti, М. Et. W. По ударенію сравн. сербск. кѣс, кѣса («кучая»), кѣсати, кѣсити. Безъ ударенія въ словѣнскомъ kosáti «раздроблять», kosílo «завтракъ».

22) kŭd, kŭda, kŭdar, kŭdər, — «куда», «гдѣ», «какимъ путемъ». Ср. ст. сл. кѣдоу, — кѣдѣ, польск. kędy, сербск. кѣда, кѣд, макед. — кѣнд (ни —), (Стоиловъ 7).

23) kŭdər «кудря», kŭdrast, kŭdrav «кудрявый», kŭdrež, kŭdre, но безъ ударенія kodràn, kodráti, родств. kodělja «кудѣля». Сравн. польск. kędzior, kądziel, см. М. Et. W., сербск. кѣдрав, но кѣдѣля, мак. кѣнди́л'а (Стоиловъ, 7).

24) kŭkolj «кѣколь», М. Et. W. сравн. прусск. cunclis; носовой и въ макед. кѣнѣл' (Стоиловъ, 7).

25) kŭg, kŭgьŭ, kŭžek, kŭžiti; сравн. рус. *кру*, *крѣпкій* (діалект. великор. *круглой*, сравн. фамилію *Кругловъ*), *кружокъ*, *кружить*, польск. krag, kregi, krazek, krazuc, okragŭ, чешск. kruh, okrouhlý, сербск. крѣг.

26) kŭt, но krotŭst, сербск. крѣт — крѣта (рус. *крут* нечленное прилагат., ф. ж. р. *крута*), крѣти (отлично отъ рус. *крутой*), польск. kret «головокруженіе», kretу согласно съ серб.

¹⁾ Напрасно Потебня (К исторіи звуков III, 110) видѣлъ здѣсь к. *ску* —, противъ чего ясно говоритъ болгарская форма.

(по закону Лоренца), *kregić* (отлично по *e* отъ русскаго *крутить*). Ср. лит. *kraĩtas* «крутой берегъ». М. Et. W. подъ словомъ *krent*—(см. выше *kret*), съ «подъемомъ» *kront*—.

27) *lŕěba* «дробление», *odlŕěba* «отдѣление», *lŕěiti*, *odlŕěiti*, *ločítv*. М. Et. W. ставитъ основное *lonk*—, ст. сл. *лжчити* «отдѣлять» = серб. *лѹчити*, но польск. *łączyć* «соединять»; рус. *получить*, *разлучить* по ударенію согласно съ серб. и польск. Если мы примемъ основное *lenk*—(см. выше *lěcati*) «гнуть, натягивать», которое Миклошичъ ставитъ отдѣльно, то противоположныя значенія въ словянскихъ языкахъ одного и того же слова *лжчити* намъ станутъ понятны («сгибать» = «соединять», «разгибать» = «разъединять», «разлучать»).

28) *lŕk* «дуга», «лукъ», ст. сл. *лжж* и т. д. (см. выше *лжцати*); сравн. и макед. *лѣнк* (Стоиловъ, 7).

29) *lŕka* «болотистая, низкая луговина», ст. сл. *лжж* «болото», «озеро», «заливъ», мак. *лѣнка* (Стоиловъ), польск. *łąka*, чешск. *louka*, сербск. *лѹка*; рус. *лука*—мн. ч. *лѹки*; всѣ словянскіе языки указываютъ на удареніе окончанія. Миклошичъ справедливо относитъ *lonka* къ *lenk*—, предполагая основное представление «изгибъ».

30) *lŕg* «роща», «низкій лѣсъ», *lŕgar* «лѣсникъ», сравн. польск. *łąg*, *łęg* «лугъ», «дебрь», «долъ», серб. *лѹг* «роща», чешск. *luh* «лѣсная поляна», «болотистое мѣсто», см. М. Et. W.

31) *mŕdo* (и *modě*,—*ěta*) «testiculus», ст. сл. **мждо*, польск. *maďa*, чешск. *moud*, *moudí*, солунск. *мѣнди* (Стоиловъ, 7), серб. *мѹдо*, рус. *мудѣ* (остатокъ дв. ч. основы ср. р. на *о*), ср. М. Etym. W.

32) *mŕder* «мудрый», *mŕdrež*, *mŕdr(e)s* «мудрецъ» (также *modrák*), безъ ударен. *modrŕst* «мудрость», ст. сл. *мждрж* и проч., серб. *мѹдар*, *мѹдри*, *мѹдрѣст*, *мударац*, польск. *maďry*, *maďrość*, *mędrzec*, чешск. *moudrý*, болг.-мак. (солунск.) *мѣндър* (Стоиловъ,

7), mǫdrŭ (Oblak, M. St. 19). M. Et. W. сравн. др. инд. mandh, д. в. нѣм. muntar, гот. mundrei. Сравн. также греч. μανθάνω, ἔμανθον, гдѣ индо-евр. *mandh-.

33) mǫka «мукá», ст. сл. мѣка, mǫčiti «посыпать мукой», mǫčnast, mǫčnat «мучнистый»; сравн. польск. ма́ка, чешск. mouka, серб. мѹ́ка, рус. мука́; Миклош. Et. W. приводитъ ср. в. нѣм. münke «каша», «лепешка» (не заимствовано ли изъ словянскихъ языковъ? Такъ думаю въ виду k; я бы сравнилъ скорѣе н. в. нѣм. Menge «множество», mengen «смѣшивать»).

34) mǫka (=каик. мѹ́ка «мѹ́ка»), встрѣчается только у Далматина, угорскихъ словѣнцевъ и въ Штирії на хорватской границѣ; срв. ст. сл. мѣка, польск. meka, чешск. muka, серб. мѹ́ка, болг.-солунск. мѣнка (Стоиловъ, 7). Срв. M. Et. W.

35) mǫtva, mǫtiti «мутить», mǫtež «возмущение» (но motilo, móten, . . .), ст. сл. мѣт—(ср. выше met—mat—), M. Et. W. сравн. др. инд. mauth, math. Изъ слов. языковъ сравн. польск. maćew «мутовка», maćić, met, сербск. мѹ́тити, мѹ́теж, солунск мѣнтиш (ib.)

36) mǫž (но možâ, možât, možiti), mǫžik=možic (уменьшит.)¹⁾, ср. ст. сл. мѣжъ, польск. maż, meżyk, болг. солунск. мѣнч (ib.), серб. мѹ́ж и проч. M. Et. W. предполаг. родство съ готск. manna, нѣм. man.

37) nǫja «нужда» (рус. заимств. изъ ц.-слов. яз.) = nŭja, ст. сл. нѣд- и нѹд-, польск. needza «нужда», каш. panza, poza, польск. nuda «скука», см. M. Et. W.

¹⁾ Этотъ же суффиксъ ic въ konjic при konjic (сравн. серб. конѣиц при конѣић, конѣића) и во многихъ другихъ примѣрахъ сербскаго и частію словѣнскаго и чешскаго языковъ (см. о немъ подробно въ моемъ «Исслѣдованіи о яз. синод. сп. Новгород. лѣт.», с. 126, 129—130).

38) *nôter, znôtra, nôtranji, nôtranjost, nôtranjščina, nôtrešnji, vôtroba* (безъ удар. *otrôba* «кишки»); срв. ст. сл. (взн)жтръ, жтрока и проч., польск. *wnątrz, wątroba* «печень», рус. *внутрь* «внутренний», нутрѣ, серб. нѹтарвѣи «внутренний», нѹтрак (конь или брав), нутраст «non bene castratus», чешск. *vnitř, vnitř* «внутри», *vnitřek, nitř* (ж. р.) *nitro* «внутренность», (v)*nitřní* «внутренний», болг. нарѣч. нѣтрѣ, вѣтрѣ. Миклошичъ (Et. W.) справедливо предполагаетъ осн. *on*—*in*— (индоевр. **an*—при *an*), что въ старосл. яз. отразилось въ ж—при вх (изъ осн. *an*). Начальное *n* словѣнскихъ сербскихъ, чешскихъ, частію болгарскихъ и русскихъ формъ обусловлено вліяніемъ тѣхъ формъ, гдѣ передъ ж былъ еще предлогъ *въ*. Родственно греч. *ἐντερον*, гдѣ основн. *an*—, лат. *inter*, гдѣ *in* изъ *an*. Ср. выше *jetra*, гдѣ форма съ носовымъ *e*, которое можетъ восходить къ осн. *an*—или *an*.

39) *ôtek=vôttek* «утокъ», *vôtkati, vôtčiti—vôtčim* «уткать», «eintragen (beim Weben)» (срв безъ ударенія *otôr, utôr, utôra, votôr,—tôra* «выемка»); ср. ст. сл. ж-въ жродж, *жсокъ и т. п., польск. *wł—въ watek, waczyć* «продѣвать челнокъ», *wąwóz* «оврагъ, ущелье», *у-тоѣ, ущелье*, др.-рус. *увоза* (Боричевъ — М. Lex. Pal.), серб. *ѹ-тор* и т. п., болг. вѣзеленъ, солунск. вѣнтѹк, вѣнтѹр (Стоиловъ, 6, Oblak, M. St. 19), чешск. *útor, úvoz* «узкая дорога въ лощинѣ». Здѣсь другое **an*—, имѣющее отрицат. значеніе, какъ и родственное **an*, что въ лат. *in—certus* и т. п., греч. *ἄ-γινος, ἄ-κράτος, ἄ-κρίτος* и т. д.

40) *ôdica, vôda* «удочка»; ср. ст. сл. жда, рус. *удочка*, польск. *węda*, серб. *ѹдица*, болг. вѣдица, вѣница (Стоиловъ ib.).

41) *ôgeŭ = vôtgeŭ* а) «уголь», б) «уголь» (безъ ударенія *ogŭen*—каик. *ôglen* «уголѣкъ», *ogŭen* «угольный»). Сравн. а) жгзлх,

польск. *węgieł*, серб. угал и т. п., лат. *angulus*.... б) жгль, п. *węgiel*, *wągl*, серб. угаль, болг.-солунск. вѣнгил (Стоиловъ, 6) и проч., лит. *anglis*. См. М. Ет. W. . Въ одномъ звуковомъ видѣ слились два разныя по происхожденію слова.

42) *ogre* (при *ogre*) а) «личинка мухи», б) «угорь», «веснушка»; сравн. польск. *węgru*, *wągru*, серб. *уѣрк* «червь подкожный». Но безъ ударенія *ogór*, —*rja* «угорь» (*anguilla fluviatilis*), *ogórue*, *ogórek*, при чемъ, какъ видно изъ сербск. *уѣгор*, п. *węgorz*, здѣсь выдвигка; въ самомъ суффиксѣ, какъ видно изъ разницы —*г*— и —*ог*— (общесл. —*ѣр*— и —*ор*—), было колебаніе (ср. лит. *ungurys*). Я думаю, что оба слова, несмотря на разницу значенія, одного происхожденія.

43) *ogóršćica* а) «*brassica napus*», б) «сортъ кисловатаго яблока» («*венгерка*», «*уорка*»)? Сравн. жгрк. польск. *węgieł*, *węgiełka*, —*ski*, серб. *уѣгар*, *уѣгарскѣ*, рус. *уѣры*, *уѣорскѣй* (заимств. *венѣрскѣй*). Согласіе польскаго (*ę*) и сербскаго свидѣтельствуеетъ объ удареніи на ж—въ общесл. яз. Безъ ударенія *ogóršćák* «восточный или сѣв.-вост. вѣтеръ».

44) *óza* (= *vóza*), «шнуръ, веревка», *vóz*, *vózник*, *vózница* «узница», *óze* «веревка» (= *vóze*), *ózar* (= *vózar*) и т. п., но *ózeł* = *vózeł* «узелъ», несмотря на исконное удареніе). Сравн. ст. сл. жза¹⁾, жзилиште, жже, жзлз, польск. *wąza* «ячей сотовая», *węzeł*, болг. сол. вѣнзил' (Стоиловъ). Носов. общесл. *о* здѣсь родственно съ носов. общесл. *е* въ выше указанномъ *vez*— (М. Ет. W. *enz*—и *onz*—индоевр. *angh*-). Сюда же относится выше приведенное *góz* рус. *ужъ* и проч. (но слѣдуетъ отличать *góz*=рус.—*ужъ*, —*ужа́* лит. *angis*, гдѣ индоевр заднебн. *g*.) Звуки *з* и *в* въ началѣ развивались фонетически (см. Фортунатова «Лекціи по фонет. ст. сл. яз.», 232).

¹⁾ Судя по польскому *z*, можно думать, что удареніе было на окончаніи, но во множ. ч., вѣроятно, переносилось на кор. гласный.

45) *úzek* «узкій»; ст. сл. *жзѣкъ*, польск. *wąski*, срв. ст. *węzsy*, ср. рус. *узкій*, *уже*, при чемъ польск. форма полож. степ. по удар. соотвѣтствуетъ русской формѣ полож. нечленной женск. р. (*узká*). Сравн. готск. *aggvus*, н. въ нѣм. *eng*, греч. *ἄγχι*, лат. *ango*, *angustus*, др. инд. *āhu*. М. Et. W. относ. къ тому же, близкому по значенію *enz—, onz—*, что и *жа*.

46) *úteŭ=vŕteŭ*, ст. сл. *жѣлъ*, польск. *waŕły*, рус. *утлый*, Фортунатовъ сближаетъ съ нѣм. *Wunde* (Лекціи по фонетикѣ ст. сл. яз. 1888 г., с. 232).

47) *pŕja* 1) «побужденіе», «стремленіе», «охота», 2) «течка» = *pŕj*, р ед. ч. *pŕja*, *pŕjati*, «гонять», «охотиться», — *se* «*läufig sein*», ср. безъ удар. *podíti* «гнать»; ср. ст. сл. *пѣдити*, польск. *pađ*, *peđ* «стремленіе», *peđzić*, *peđzać* «гнать, гонять», *pađa* «крикъ охотниковъ», чешск. *puditi* «стремиться», «течь», *pud* «стремленіе», «инстинктъ», болг. *пѣдж*, *пѣнд'а* (Стоиловъ, 7) «гоню», серб. *пудити* — *пѣдѣм* 1) «пугать», 2) «гнать» (въ Хорватіи), великор. *разпудѣть* «разогнать», *пужать* = «*пугать*», въ которомъ *и* вмѣсто *ж* нефонетически, какъ *к* въ *пущать* (ст. сл. *поустити* — *поустати*), встрѣчающееся уже въ синод. спискѣ Новгородск. лѣтоп. XIII-го столѣтія (см. фототип. изд. с. 152, 202. 1—2), *пужало* «устрашающій или гоняющій предметъ», малорус. *пужало* «кнутовище». Словѣнскія слова съ удареніемъ на коренномъ *о* нужно сравнивать съ польскими, имѣющими *e*, сербск. *пѣдѣм*, указанными болгарскими и русскими *пужало*, *пужало*; наоборотъ, словѣнск. *podíti*, *razpodíti* соотвѣтствуютъ сербскому *пудити*, польск. *pađa*, рус. *пудѣть* и проч.; польск. *peđzić* явилось или подъ вліяніемъ *peđzać*, или подъ вліяніемъ формъ 2 и 3 л. ед. и 1, 2 и 3 л. мн. ч. (*peđzi* = рус. *пудѣтъ*), какъ обратно, русское *пужать*, *испужаться*, вѣроятно, подъ вліяніемъ *пудѣть* (собственно это общее явленіе во всѣхъ русскихъ глаголахъ на *ать* въ противоположность глаголамъ на *ывать*, *ивать*).

48) *pŕkniti*, *pŕknem*, *pŕčiti*, *pŕčim*, *pŕkati*. *pŕkam* «лопаться», *pŕka*, *pŕč*, *pŕk* — *pŕka* «трескъ», «щель», «трещина», *pŕcast* «ще-

листый», безъ удар. ро́сна «трещина», «открытое море»; ср. ст. сл. *пжк—«gumprī», *пжч—«inflari», пжчина «море» (я думаю, что основное значеніе или «нѣчто вздутое», или «трещина», «пропасть»¹⁾), польск. ре́кпа́с, ра́к, ра́сз «почка», расзек, великорус. *пу́кнуть* въ извѣстн. знач., *пу́чить* «вздувать», *пучо́кз*, малорус. *роспу́куватись* («дѣрево роспу́куетця», записано въ Харьковѣ) «лопаться и развертываться» (о почкахъ и листьяхъ—весной). См. сербск., болг. и др. у Миклошича (Lex. pal. и Et. W. s. v. пжк—, ропк—), который сближаетъ санскр. раñś «dilatāre». Удареніе въ сербск. пѹкнѣм, пѹкох, пѹче, пѹкао, пѹчина.

49) рѹрек, рѹрев, рѹриса «почка», рѹрје «почки»; польск. ререк, реровина, ст. сл. пжпжкз, рус. *пупо́кз*, *пуповина* «umbilicus»; серб. пѹпа = пѹпак «пупокъ», при чемъ первое²⁾ по ударенію соотвѣтствуетъ русской, второе словѣнскимъ и польскимъ формамъ; болг. пѹпка, пѹпчица «почка», но пжпъ, пжпѹкъ (у Дювернуа безъ ударенія), солунск. пѹмп, пѹмпѹ, пѹмпѹт «пупокъ». См. М. Et. W. ропрѹ.

50) рѹта «окова», «пѹты», рѹто ср. р. «подкова», ст. сл. пжто., польск. рето «цѣпь», «пѹты», ретла³⁾ «нѣтля» (вмѣсто пятлі, петлі, мн. ч. нѣтли вм. пятли, гдѣ я изъ основн. л, какъ польск. е изъ осн. ж), реса, ретса, ресину «путло», рета́с «пѹтатъ», чешск. putík, putlo «силокъ», серб. пѹто «окова», пѹтити «неумѣло, неясно говорить», пѹце изъ *пжтѹце (род. мн.

¹⁾ Сравн. Будиловича «Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытъ» и проч., с. 25, 281; однако напрасно онъ допускаетъ возможность сближенія не только со ст. сл. пжчитиса inflari, но и съ пжтъ, что невозможно, и даже съ греч. πόντος..... Невозможность послѣднихъ сближеній очевидна. Въ Et. W. Миклошичъ обращаетъ вниманіе на сербск. пѹкао «растянутый», «широкій»: пѹкло поле, пѹкла равнина, которое по значенію кажется ему наиболее близкимъ. Сравн. Matzenauer, Pěšpěvku, L. F. 1888, III—IV, 175—176.

²⁾ Оно имѣетъ также и значеніе какой-то травы (В. С. К.).

³⁾ По русски было бы *пѹтля.

пѹтаѹа при им. мн. пѹца) «пуговица», т. е. предметъ, служащій для той-же цѣли (съ обратной стороны), что и польск. *petla* рус. *пѣтля*. См. М. Et. W. s. v. *rep-*, срв. выше *re'ti*, родств. лит. *rántis*, обыкн. только множ. ч. *ránciai* «оковы».

51) *pēt* «путь», мн. ч. въ ф. ср. р. *pēta*, *pētoma* нарѣч. «по пути», *pētnik* (—ica) «путникъ», «путница», *spētiti* «навести на путь»; ст. сл. пѣть, серб. пѹт—пѹта, болг. пѣтъ, пѣтя, пѣтища, пѣтникъ, пѣтѹвамъ, макед. солунск. пѣнт', пѣнтѡ (Стоиловъ, 8)..., чешск. *putuji*, *putovník*, рус. *путь*, *путѣ*, *путникъ*. Сравн. др. инд. *pánthā*, М. Et. W., Бругманъ (Gr. V. Gr. I, 140) сравн. и греч. *πόντος* «море», лат. *pōns*, *pontis*, «мостъ»; можно отнести эти слова къ тому же *rep-* (*rap-* чередующемуся съ *raп-* и въ слабомъ видѣ *raп*), что и № 50 (а въ серіи словъ съ первонач. л № 32).

52) *prēd* «порогъ», «отмѣль», *prēdek* «стремительный» (о водѣ), *prēdnik* «круглый камень въ рѣкѣ на отмѣли», безъ ударенія *prodina*, *prodovina* «карша», сравн. выше слова съ основн. л подъ № 36, М. Et. W. s. v. *prend-* и *prondū*; ст. сл. прѣдъ а) «agger», б) «electrum», серб. прѹд—прѹда «пѣсчаная отмѣль», польск. *prąd*, —ц, —а) «быстрое теченіе», «водоворотъ» б) «карша» = *prądowina*, *prędkі* прыткій, «горячій», чешск. *proud* «рѣка», «потокъ», *proudití* «погонять», «побуждать», *prudčina* «водяной потокъ», *pruditi* «жечь», «растравлять», *prudký* = слов. *prēdek*, польск. *prędkі*, рус. *прудъ*, *пруди*, *пруды*, *прудить*.

53) *prēga*, «полоса», *prēgast* «полосатый», *prēglo* ср., *prēgla* ж. «силокъ», *prēžen* «упругій», *prēžiti* а) «отскакивать», б) «противитивать», *soprēga* «супруга», *sēprog* — *soprēga* «супругъ»; ст. сл. прѣгъ *ἀκρίς* (по знач. сравн. серб. прѣгаль съ осн. л), прѣгло «силокъ», прѣжати «lacerare», «agitare», сравн. праг—(№ 37), см. Et. W. *preng-*, *prong-*; серб. прѹг «долгій, растянутый», прѹга «полоса», прѹгло = прѹгла = прѹжало «силокъ», прѹжати

«протягивать»; рус. *упругий, пружина, пружки*¹⁾; польск. *pręga, pręga* «полоса», *opięzyc* «напрячь», «натянуть»; чешск. *prouh, prouha, proužek, proužka* «полоса», *pruhel, pruhlo* «силок», *pruhatý* «полосатый», *pružiti* «протягивать», *pružka* «веснушка»; болг. *прѣгавъ* «упругий».

54) *prŕt* «пруть» = *protica*, уменьш. *prŕtič*; ст. сл. и болг. *прѣтъ*, польск. *pręt, prątek*, серб. *прутъ*, мн. ч. *прутови, «virga»*, ум. *прутак, прүтић, прүтило* «трость у удочки».

55) *rŕb* = *rŕbves* = *obrŕb* (род, п. *obrŕba*), *obrŕba, obrŕbek* «рубецъ», *obrŕbiti* «обрубить», безъ дар. *говáса* «рубаха»; сравн. польск. *rapek* «серпianка», *rebu* «рубцы», *raбаc* «рубить», болг. макед. *рѣмбá, рѣмп* (Стоиловъ, 8, Облакъ. М., St. 19), сербск. *рѣб* «бѣлая повязка на головѣ женщины римскаго исповѣданія», *рѣбац* (по ударенію согласно съ русскимъ и польскимъ) «платокъ», *рѣбача, рѣбина* «рубашка», *рѣбиште, рѣбле* «бѣлье», *рѣбити* 1) «обрубать» (матерію), 3) «сглаживать», «округлять» (палку), чешск. *roub, roubek* «прививальникъ», *roubiti, «рубить», «плотничать», «зарубать», «обрубать», rubina, rubáš* «короткая рубашка», *rub* «ударъ», «рубѣцъ» («обшивка»). Въ литовскомъ родств. *rumbas* 1) «обшивка», 2) «большой рубецъ отъ залѣченной раны», *rumbėti* «рубцоваться». Срв. М. Et. W. *rombŭ*.

56) *rŕgati se* = ст. сл. *рѣгатиса*, серб. *рѣгати се*, рус. *ругаться*, сравн. выше № 39 словъ съ *л*; *rŕžen* «отвратительный» = серб. *рѣжан, рѣжни*.

57) *orŕžiti, — rŕžim, —* «вооружать», но *orŕže* «оружіе», ср. рус. *ружьё*, польск. *oręż* и проч., см. М. Et. W.

58) *obrŕč, obrŕčevk, «обручъ», rŕča, rŕčka* «ручка», но *rokáv, ročāj, rokovět* «рукавъ» и *roka* «рука», сравн. ст. сл.

¹⁾ См. Потебни «К исторіи звуков рус. яз.», III, 114—117.

рѣка, польск. *reka*=чешск. *ruka*, болг. макед. *рѣнка* (Стоиловъ, 8, Облакъ, 19), серб. *рѣка* при ф. вин. ед. *рѣку*. Сравни. лит. *rankà* (вин. ед. *rañka*), *rinkti* — *renkù* «собирать», М, Et. W. s. v. *renk*.

59) *skōdla*, «черепица», «дранка», *skōdēlnik*, «кровельный гвоздь», *skōdlar* «гонтовщикъ», серб. *скѹдла* («у П. г.»)=«даска што се ѣом куѣа покрива», «*scandula*», срав. ст. сл. *скѣдаль* «*κέραμοι*», *скѣдальникъ* «глиняный сосудъ» («*κεράμιον*», см. слов. къ Мар. Еванг.), лит. *skīndelis*, нѣм. *schindel*, др. в. н. *scindala* лат. *scandula* «дранка», ср. Mikl. Et. W. Не слѣдуетъ смѣшивать *skodēla* «чашка» (сравни. сокращ. *zdēla* «блюдо» восточно-штир.), которое Миклошичъ выводитъ изъ лат. *scutella*, ит. *scodella*, др. в. н. *scuzzila* = нѣм. *Schüssel*, напрасно, однако, смѣшивая его съ ст. сл. *скѣдаль*, *скѣделъ*; (встрѣчается ли въ древнѣйшихъ старословянскихъ памятникахъ *скѣдѣлъ* съ Ѣ, мнѣ неизвѣстно, и повидимому, формы *скоѹдѣла* — приводятся Миклошичемъ въ Lex. Pal. лишь изъ памятниковъ сербскаго письма въ значеніи «*vas*», при чемъ онѣ могутъ отражать именно н. греч. *σκοῦτελλον*, ит. *scodella*, въ которыхъ *e* передалось на словянской почвѣ какъ *ь*; словѣнск. *sko* — здѣсь можетъ или отражать итал. *sco* —, или являться результатомъ смѣшенія съ *sko* — въ *skōdla*, такъ что предполагать основное *op* — здѣсь нѣтъ надобности; форма же *škandēla* во всякомъ случаѣ не можетъ считаться указаніемъ на древн. ж и обязана какой нибудь аналогіи.

60) *skōp*, *skōpa* — «скупъ, скупа», *skōpēs* «скупецъ», но *skopōst*, *skopōma*, *skopovīt*, *skopáriti*; сравни. польск. *skarpu*, чешск. *skouprý*, сербск. *скѹпац*=рус. *скупѣцъ*, сравни. *скупой*, болг. макед. *скѹмп* (Стоиловъ, 8)=серб. *скупѹпѣн* «дорогой». Сравни. М. Et. W.

61) *smōd* «жжение», *smōdka* «сигара» *smōj*, *smōjka*, *smōda* = *smōja* «жжение», *smōden* «жгучій», но *smodíti*=серб. *смѹдити*. М. Et. W. *svend* —, *svond* — (*smend* —, *smond*).

62) *s'q—* = ст. сл. *сж—*, серб. *су—*, рус. *су—*, польск. *sa—*, въ извѣстныхъ сложеніяхъ подъ удареніемъ: *s'qblazn* «досада» (*сжблазнь), *s'qdolъec* «узкій долъ», *s'qdolica* «мал. низина», *s'qdrag*, *s'qdra* «крупа» («мѣлкій градъ»), *s'qgraznik* «небольшой праздникъ» («полупраздникъ»), *s'qmrak* «сумракъ», *s'qprog* (род. — *pr'oga*, ж. р. *soprg'oga*), *s'qzъn* прил. при существ. *s'qzъica* «смѣшанное зерно (съ рожью)», *s'qzъnik* «хлѣбъ изъ см. з.», *s'qsed* (род. — *eda*) «сосѣдъ», *s'qteska* (при *soteška*) «тѣснина» (сравн. дальше соотвѣтств. сербск. слово) и друг., но удивительно *s'qrvг*. Сравни. ст. сл. *сжпръ*, *сжжитъ*, *сжпржгъ* и мн. др., см. М. Lex. Pal., Et. W.... Сербск. а) *с'убаша*, *с'увише*, «чрезмѣрно», *с'умрѣк* *с'уми-тицѣ* («обратно», *сж- + *мжит-, напр. *лѣжѣ с. — лежатъ рядомъ* такъ, что голова одного тамъ, гдѣ ноги другого), *с'усјед* (при *с'усјед*), *с'усједа*, *с'утика* (*сжтѣика) «случай», *с'утука* (при *с'утука*) «*infaustum*» (= *сжтѣзка, т. е. то, что случится, какъ бы натолкнется, рус. *с'утолока* изъ др.-рус. *с'утѣлъка въ иномъ значеніи), *с'уѣеска* «тѣснина», *с'умацан* «сукотый», б) *с'убјел* «бѣловатый», *с'уградица* «мелкій градъ», *с'улуд* «глуноватый», *с'умеѣа* = слов. *somēja* = в.-рус. (кромѣ суффикса) *сумѣжностъ*, *с'умузга* «снѣгъ съ градомъ и дождемъ», *с'упојникъ* «поящій совмѣстно», *с'упрасан*, *с'упредак*, *с'уражица* «пшеница съ рожью», *с'усреѣа.....*, в) *с'уврет*, *с'угреб*, «яма», *с'усрет* (на — «на встрѣчу») *с'увон*, «сумерки»; такимъ образомъ, въ сербскомъ мы видимъ то рѣзкое, т. е. исконное на краткомъ слогѣ, то слабое, то восходящее удареніе, указывающія на удареніе слѣдующаго слога, при чемъ словѣнское восходящее можетъ, какъ извѣстно, отражать всѣ эти три рода сербскихъ удареній, вслѣдствіе чего словъ *s'qsed* могло бы соответствовать какъ сербскому *с'усјед*, такъ и серб. *с'усјед* = польск. *sasiad*, малор. *сусід*, если бы форма род. ед. *soséda* не указывала бы именно на послѣднее (оттяжна необычна въ многосложныхъ словахъ). Замѣтимъ, что въ словѣнскомъ нѣко-

торое число относящихся сюда словъ можетъ являться съ неударяемымъ *so* вслѣдствіе выдвиги, такъ что число случаевъ неударяем. *so* должно быть больше, чѣмъ оно должно было быть въ общесловянскомъ; но несомнѣнныхъ примѣровъ выдвиги вообще я не нахожу. Въ польскомъ языкѣ мнѣ извѣстны только *sąsiad, sąsieć* и *sążycsa*, «смѣсь пшеницы съ рожью» (см. Linde, *Słownik języka polskiego*) изъ **sarżycsa*, указывающіе на исконную неударяемость *сж-* въ прототипахъ этихъ словъ, что согласнo только относительно перваго съ русскимъ и частью сербскимъ и относительно второго съ русскимъ. Чешскій языкъ значительнымъ числомъ примѣровъ *sou* (*soudobí, soudolí, soudruh, souhlas* съ производными, *souhrada, soujem* — «объемъ» = этимологически словѣнск. *soh'enj, njà* въ значеніи слов. *sem'enj* изъ *senj'em* «ярмарка», которое этимологически = старословѣнск. *сѣнѣмъ*, др. рус. *снемъ* — *сонма* Ипат. л. и др., чешск. *sněm, p. sejm, soukromný, soukrvice, souloh, soumezí, soupeř, soupasí, souržice, soused, sousek, soustav, soutěska* и друг.) при отсутствіи *su* можетъ указывать на то, что ударяемое *сж* — имѣло въ общесловянскомъ языкѣ восходящее удареніе, сравн. отсутствіе въ сербскомъ *сѹ* и преобладаніе краткаго *су* — (*сѹ* — довольно рѣдко сравнительно съ *сѹ* и *сѹ* —).

63) *Sqđ* «здѣсь сюда», ср. ст.-сл. — *сждоу* и проч.

64) *Sqđ* «бочка», ум. *s'qđec, s'qđek*, собир. *s'qđje*, сравните *сждъ «vas»*, русск. *судкѣ, сѹдно, посѹда*, польск. *sađ, sędu*, сербск. *сѹд, сѹди, сѹдови, б. мак. сѣндѹви*.

65) *Sqđ* «прямой», «четный», (*soda števila, sodo ali liho?*), *sqđa*, «пара», *sqđati* «игра въ четъ или нечетъ», *s'qđev, s'qđelj*. М. Ет. W. сравнив. чешск. *sudý počet* (противоп. *lichý*).

66) *S'qđ* «судъ» (р. «*судá*»), *s'qđiti* — «судить», *s'qđja* «судя», *s'qđni đân*, но *sódba, sódben, sodbēnji*; ср. ст. сл. *сждъ*; сербск. *сѹд* — *сѹда, сѹдньи, сѹдити*; польск. *sađ—sađu*, что правильно

соотвѣтствуетъ сербскому и русскому; б. мак. сѣнд'а, сѣндба (Стоиловъ).

67) S^ok «сукъ», s^okast «сучковатый»; ср. польск. s^ek, б. мак. сѣнк. Формы родств. яз. см. М. Et. W.

68) Sp^od «родъ вѣдра»; ср. ст. слов. спѣдѣ, М. Et. W. приводитъ польск. spa^d.

69) St^ok «стонъ», st^okati «стонать»; сравн. польск. stękać; М. Et. W. приводитъ sten — и stonk —, сравн. отношеніе zven (zvón—) къ zvenk — (ст. сл. звак —) и zvonk (звѣк).

70) St^opa «толчей», st^opati «толочь», «трамбовать», st^opiti — st^opim «ступить», st^op—st^opa (при stopāj) «походка», «шагъ»; ст. сл. стѣп —; сербск. стѣпа «толчей», «стѣпка», стѣпати «толочь», стѣпити — стѣпим «стѣпнуть»; болгарско-макед. стѣмпалка «слѣдъ стѣпни» (Стоиловъ, 8); польск. stąpić, но stępa «стѣпа, иготь», stępia «пѣступь, шагъ». Какъ видимъ, польскія, русскія и сербскія формы согласно указываютъ на существованіе въ общесловянскомъ языкѣ различныхъ по ударенію и значенію формъ, которыя, однако, вѣроятно, родственны по происхожденію: съ одной стороны, удареніе является первоначально на коренномъ слогѣ, причемъ въ польскомъ въ зависимости вообще отъ ударяемости правильно рефлексъ краткаго ж, въ сербскомъ же также краткость, указывающая на общесловянское восходящее удареніе, съ другой, удареніе является на суффиксѣ, при чемъ въ польскомъ по общему закону а (рефлексъ долгаго ж). Въ чешскихъ формахъ мы имѣемъ рефлексъ долготы и краткости соотвѣтственно обоимъ видамъ формъ: stoupa «стѣпа» при stupa, stupice, stupka, stoupník при stupník; хотя различаются stoupám, stoupím «ступаю, выступаю», съ одной, и stupám «толку», съ другой, но и послѣднее извѣстно въ значеніи «выступать»; смѣшеніе вызывалось, вѣроятно, разными аналогіями. Такимъ образомъ, словѣнское , въ st^opa, st^opati соотвѣтствуетъ сербскому ѡ, словѣнское , въ st^opiti — сербскому , .

71) Stróka = сербск. стрѹка «родъ, отдѣлъ», см. М. Et. W.

72) Tóča «градъ» = серб. тѹча, ст. сл. тѣча «дождь», чешск. tuše = рус. *тѹча*, діалект. южновеликор. *туча*, польск. tęcza «радуга». Слов. форма, вѣроятно, предполагаетъ удареніе на коренномъ слогѣ, чешская могла бы отражать удареніе формы вин. ед. къ предполагаемому *тѣча (ср. чешск. ruка подъ вл. ruku изъ о. сл. рѣкѣ).

73) tōđ, tōđi, сравн. ст. слов. тѣдѣ, польск. tedy, отлично tōđi «только что», гдѣ о изъ общеслов. о, какъ и въ tōčkaj, tōčkar.

74) tōg, ж. р. tōga, «тугой» (*тѹи, тѹа*), но польск. tegi, чешск. tuhý; М. Et. W. s. v. teng — tong. Того же происхожденія цѣлый рядъ словъ съ основнымъ ж: а) tōga «лѣнь», «косность», stōži se mi «овладѣваетъ мною тоска», tōžiti «жаловаться», tōžen, tōžec при неударяемомъ о въ tōgóta «ярость», tōgótien, tōgotiti, ударяемомъ о широкомъ въ tōžba, tōžben съ производн., сравн. сербск. тѹга, тѹжити «*тѹжить*», тѹжан, но *тѹжба*, макед. болг. тѹнга, тѹнжа (Стоил.), польск. tażyć, чешск. touha, toužiti, toužný, toužebný при tužba, tužebný; б) stōgla, stōglaj, stōglj — glja «ремень, шнурокъ на обуви», сравн. чешск. stuha, stužka, stuhle «завязка».

75) tōheŕ, — hla «тѹхлый», tōhniti — tōhnem «тѹхнуть» въ см. «портиться» и въ см. «потухать», otōhlica «духота», zatōheŕ «душный», безъ ударенія tohněti, — ím «издавать затхлый запахъ», — ējem «тлѣть», «мерцать»; ср. польск. tęchnąć, чешск. tuchnouti, русск. *тѹхнуть* въ обоихъ значеніяхъ, которыя столь тѣсно связаны между собою, что не нуждаются въ раздѣленіи на два *tonch, какъ это у М. Et. W.

76) tōpiti при tōpiti, tōpim, «*тѹнуть*», но tōp — tōpa и tōpa

«*тупо́й*», сравн. сербск. *тѹп* — *тѹпа*, *тупи*, *тѹпити* — *тѹпим*, ч. *tupý*, *tupiti*, польск. *tepy*, *tepić* (вѣроятно, е проникло изъ формъ 2 и 3 л. ед. ч. и остальныхъ формъ наст. врем. въ ф. 1 ед. ч. и въ ф. неопредѣл. накл.: сравн. рус. *тупить*, но *туплю*, *тупить*).

77) *trǫbъc* «трубачъ», *trǫba* «труба», *trǫbiti*, сербск. *трѹба*, *трѹбити*, рус. *трубить*, польск. *trąba*, *trąbić*, чешск. *trouba*, *troubiti*. См. М. Et. W., гдѣ указана этимологія слова.

78) *trǫd* въ различныхъ значеніяхъ ¹⁾: «труть» (для зажигания), «болѣзнь желудочная», «Gebärmuttervorfall», сравн. *trǫdna* жѣна; ср. сербск. *трѹд* — *трѹда* «губка», *трѹдна* жѣна = *брѣѣа* ж., польск. *trąd*, *trędy* «проказа», «угри». См. М. Et. W., ср. лит. *trandis* «моль, др. червь».

79) *trǫs* «дрожаніе», *trǫsek* «зародышъ», «зерно», *trǫsiti* «разсыпать», «трусить», ср. выше *tres* —.

80) *trǫt* = *trǫtъc* а) «трутень», «паразитъ», *trǫtovka* «матка выводящая трутней», *trǫtovski* «трутневъ»; сравн. сербск. *трѹт* «трутень», но *трѹтови*, *трѹтина* (въ Срѣмѣ) «злокачественная опухоль»; польск. *trąd* «трутень» = чешск. *troud*, которое имѣетъ и значеніе «труть» («древесная губка»), *trouditi* «зажигать труть», но *trud* «лишай» (не слѣдуетъ смѣшивать *trud* «трудъ, работа» = ст. сл. *троудъ*), *trudovatý* «прокаженный» = польск. *trędowaty*. Во всякомъ случаѣ отношеніе *t* къ *d* въ словахъ одного значенія, которыя трудно не признать этимологически родственными, неясно²⁾. Если признать, что значеніе «лишай», «угорь», какъ «ненужный, лишній наростъ на тѣлѣ», находится въ связи съ значеніемъ «трутень», въ основаніи ко-

¹⁾ Я думаю, что всѣ эти значенія можно свести къ одному — «разъѣданіе», «разрушеніе», «болѣзнь» (сначала «накожная», откуда «опухоль»): лит. *trandėti* «быть изъѣденнымъ молью или червемъ».

²⁾ Думаю, что здѣсь разные суффиксы подобно тому, какъ въ литовск. *twirtas* при нашемъ *твердый*, старослов. *тврѣда* и проч. формахъ словянскихъ языковъ.

тораго, можетъ быть, лежитъ значеніе тоже чего-то лишняго, какъ «не работающаго», то приведенныя слова придется соединить въ одно съ упомянутымъ выше *trǫd*; а нисходящее общесловянское удареніе, на которое указываютъ формы сербскія и словѣнскія, подтверждается чешскимъ *trud*, но съ другой стороны, чешск. *troud* указываетъ на общесловянское восходящее удареніе.

81) *vǫd* «копченіе» (но *vodíti* «коптить»), см. М. Et. W., сравн. польск. *wędzić* = чешск. *uditi*, указывающіе на общеслов. нисходящее удареніе на коренномъ слогѣ, которое, однако, свойственно было, вѣроятно, лишь формамъ настоящ. времени, кромѣ формы 1 л. ед. ч. наст. вр.

82) *vǫh*, *vǫha*. «обоняніе», *vǫhati* «нюхать», но безъ ударенія: *voháč*, *vohàn* «шпіонъ», «сыщикъ», *vohǫn* «собака — ищейка», *vohljáti*, *vohnéti*. См. М. Et. W. *on-*, *ous-*, др. инд. *an*, готск. *anan*, ст. сл. *вонн*, *ххати*, польск. *węch* «обоняніе», *wąchać*, чешск. *ňuchati* «нюхать»; словѣнская глагольная форма, равная русской *нюхать*, чешск. *ňuchati*, указываетъ на общеслов. нисходящее удареніе коренного слога, въ отличіе отъ польской, свидѣтельствующей объ удареніи, сохранившемся въ русской литературной формѣ *благо-ухать*, конечно, заимствованной изъ церковнословянскихъ текстовъ.

83) *vǫs* «усъ», *vǫse*, *vosi*; этимол. сравн. у М. Et. W. и Фортунатова въ «лекціяхъ по фонетикѣ старосл. яз.» 232 (пруск. *waso* указываетъ на до-словянское происхождение *v*); польск. *was* *wasu*, *wasaty*, чешск. *vous*, *vousu*, *vousatý*, в. рус. *усы*; по-видимому, коренной гласный былъ безъ ударенія въ общеслов. языкѣ.

84) *zǫb*, *zǫba*, *zoba*, *zǫbes*, *zǫben*, но *zobíti*, *zobač*, *zobàt* и проч., сравн. польск. *zęby*, *zębaty*, рус. *зубы*, *зубатый*, чешск. *zub*, *zubatý*, сербск. *зуб*, *зуби*, *зубити*, *зубат*; очевидно, здѣсь общеслов. нисходящее удареніе на коренномъ ж, въ производныхъ словахъ, однако, уступавшее мѣсто ударенію на суффиксѣ.

Сравн. выше *zeb* — ; М. Et. W. сравнив. лит. *žambas* «край», *žamba* «ротъ», д. инд. *gambh* «раздроблять», *gambha* «зубъ» = д. в. нѣм. *chamb*, нѣм. *kamm*; различая тройкое *zemb* -: 1) «*dilacerare*» (откуда *zombū*), 2) «*frigere*», 3) «*germinare*» (ст. сл. **ЗАБАТИ**, лит. *žėmbėti*), Миклошичъ подѣ конецъ уничтожаетъ свое раздѣленіе, предположивъ, что, вѣроятно, они всѣ сводятся къ одному корню. Сюда же и *zōber*, рус. *зубръ*.

85) *Zvōk*, *zvōčen*, *zvōčni trāk* «звуковой лучъ», безъ ударенія *zvočilo* «орудіе звуковое». Сравн. выше *zvek* — , М. Et. W. *zven* — , *zvenk* — , *zvonk* — . Сравненіе съ чешскими *zvuk*, *zvučnū*, *zvučilo* и проч., русскими *звукъ* — *звѣна*, *звѣчный*, *звѣчать*, свидѣтельствуешь объ общесловянскомъ нисходящемъ удареніи коренного звука, въ производныхъ словахъ переносившемся на суффиксъ.

То же *z* находимъ и въ суффиксальныхъ слогахъ: 1) *vrōča* при *vrōč* «горячій», *vrōtek* «источникъ», но *vrōčica* «горячка», *vrōčost*, *vrōčina* «жаръ», сравн. серб. *vrŭh*, *vrŭha*, *vrŭhi*, *ā*, «горячій», *vrŭhiца*, *vrŭhiна*. М. Et. W. *ver*-, **vyront*-, **vyronti*- (извѣстный причастный суффиксъ). 2) *gredōč* (нарѣч. отглаголын. или дѣепричастіе) «мимоходомъ», *gredōčki* (сравн. такое же *e* въ *gredē*). 3) *derōča voda* «быстрая вода» (сравн. *derēča* —), *derōčen* «кричащій», «плачущій», *derōčnica*, *derōčnik* — «крикунья», «крикунъ» (о дѣтяхъ). 4) *mogōča* ж. р. при *mogōč* «могущій» и «могучій», *mogōčen* = *mogōten* «могучій», *mogōčiti se*, *mogōčnej*, *mogōčnik*, *mogōčnost*, *mogōčost* «могущество», *mogōtes* (ст. сл. *могѣть*, *могѣшть*). 5) Какъ въ этихъ нарѣчныхъ и именныхъ образованіяхъ, заключающихъ въ себѣ извѣстный причастный суффиксъ въ соединеніи съ конечн. гласн. основы (*мт* изъ *о+nt*), такъ и вообще въ причастіяхъ настоящ. врем. отъ глагольныхъ основъ наст. врем. на *о/е*: *svetōč*, — *a*, — *čī*,

nes'č, pek'ci, rek'č, seg'čega, tek'č, žg'č, pij'č, grej'č и т. д. (Valjavec, Prinos k naglasu..., naglas и participima, с. 1 — 2, 6—7, отд. отт. CXI knj. «Rada»).

Въ отдѣльныхъ словахъ, гдѣ ж не въ первомъ слогѣ:

1) Golqb, golq̃bce, - ek, но golobè, golobica, при чемъ q является здѣсь, можетъ быть, подѣ «выдвинутымъ» удареніемъ: сравн. рус. *юлюбъ*, сербск. *голюбъ*, польск. *gołab'*; впрочемъ польск. *gołebica*, *gołebi* указываютъ на общеслов. ударяемое ж, рефлексъ котораго и въ русскомъ *юлюбка*, *юлюбуска*. Относительно этимологii слова, едва ли словянскаго по происхожденію, см. данныя и соображенія у Миклошича Et. W. и Вондрака (Altkirchenslavische Grammatik, 70). По суффиксу можно сравнить *пастрака*, гдѣ носовое e, можетъ быть, изъ — *am-* передъ *bha-* (срав. греч.—αφ, др. инд.—abhā, Вондракъ, ibid).

2) tis'č, tis'ča «тысяча», ст. сл. тѣсѣшта и тѣсашта, сербск. *тисућа* (теперь болѣею частію замѣняемое извѣстнымъ греческимъ словомъ), польск. *tysiąc* съ рефлексомъ или долгаго общеслов. а, которое отражается, несомнѣнно, въ я русскаго *тысяча*, или того долгаго ж послѣ полумягкаго согласнаго, которое отражается въ чешскомъ *tisíc* (изъ *tiśíc*, Вондракъ, Altk. Gr. 56), ст. чешск. *t'usíc* (*tyufycz* въ Сватов. рукоп. Александр., см. изд. Гатталы и Патеры 1881 г., с. 49) при *ciśícov* (*czizuczow*) въ Индрихоград. сп., ib. 61), гдѣ *su* изъ *сж*. Различныя формы словянскихъ языковъ, указывающія не только на различія въ качествѣ носового звука, но и на различія звуковыхъ сочетаній общеслов. *ты-*, *ту-*, *тю-*, *ти-* въ начальномъ слогѣ слова, приведены въ статьѣ А. И. Соболевскаго (Рус. Фил. Вѣстн. XIII, 1885, с. 142—144), а также и у Миклошича Et. W. Въ указанной статьѣ Соболевскій, не находя возможнымъ считать всѣ различныя формы этого слова заимствованными изъ германскихъ языковъ (готск. *thūsundi*, др. в. н. *tūsund* и т. д.), а наоборотъ —, предлагаетъ производство словянскихъ формъ

отъ корня *tūk*, *tauk* съ палатальнымъ индоевроп. *k*, при чемъ *tū-* отражается въ нашемъ *ты*, *tau-* (т. е. *tau*^е, *tau*) въ нашихъ *ту-*, *тю-*, но всетаки неяснымъ остается *ти-*. Мнѣ кажется, во всякомъ случаѣ, несомнѣнной непервоначальность *тю-* точно какъ же, какъ и **сѣж-* слѣдующаго слога, отражаемаго чешской формой, такъ какъ даже въ заимствованіяхъ древнѣйшаго періода мы наблюдаемъ полное смягченіе въ подобныхъ случаяхъ (штюдз, сравн. готск. *thiuda*, *блюдо* и т. п.). Я думаю, что все разнообразіе словянскихъ формъ явилось путемъ различныхъ контаминацій и вліяній однѣхъ формъ на другія, и что первоначальнымъ можно признать лишь колебаніе между *ж* и *л* послѣ *с*. Именно это неясное разнообразіе словянскихъ формъ, несомнѣнно поздняго происхожденія, и склоняетъ меня, въ отличіе отъ мнѣнія академика Соболевскаго, къ мнѣнію тѣхъ, которые повидимому считаютъ скорѣе наше слово заимствованнымъ¹⁾ (см. Vondrák *Altkirchensl. Gram.*, 56; ср. Hirt, *Der indogerm. Ablaut*, 103—104, гдѣ, не упоминая слов. словъ, авторъ предлагаетъ этимологію готскаго *thūsundi* отъ индоевр. *tewō* «быть сильнымъ»); по крайней мѣрѣ они предлагаютъ ясныя этимологіи германскихъ словъ, не вдаваясь въ объясненіе словянскихъ. Согласіе русскаго ударенія съ сербскимъ свидѣтельствуетъ о выдвигѣ въ словѣнскомъ, хотя мнѣ казалось бы страннымъ появленіе при выдвигѣ восходящаго ударенія. Нельзя ли предположить двѣ праформы: **tysantjā* и **tysantjā*? Первая дала общеслов. форму съ *ж*, вторая съ *л*, но обѣ формы въ отдѣльныхъ языкахъ рано смѣшались.

Такимъ образомъ, что есть господствующее произношеніе ударяемыхъ рефлексовъ *ж*, при чемъ мнѣ кажется, что можно доказать изъ собраннаго матеріала, что такъ отражается обще-

¹⁾ Въ статьѣ Уленбека «Die germanischen Wörter im Altslavischen» (*Archiv f. slav. Philologie*, XV, 481 — 492) нашего слова не приводится. Объясненіе Миклошича въ *Et. W.* разнится отъ объясненія Соболевскаго только тѣмъ, что онъ видитъ въ нашемъ словѣ форму причастія наст. врем. дѣйств. зал.

слова́нское носовое *о* лишь подъ старымъ удареніемъ и лишь при условіи долготы его, случаи же, какъ будто противорѣчащіе этому положенію, болѣею частью удачно объясняются или вліяніемъ родственныхъ образованій, или общеслова́нскими дублетами относительно мѣста ударенія. Напр., неопред. наклон. *bl'oditi*, можетъ быть, подъ вліяніемъ формъ настоящаго времени, при чемъ это вліяніе сказывается и въ мѣстѣ ударенія, такъ какъ это послѣднее нельзя объяснять здѣсь оттяжкою, которая въ многосложныхъ словахъ необычна (сравн. *blodiv'es možiti*)¹⁾; также объясняю я *m'otiti*, *kr'žiti*, *l'žiti*, *obr'žiti* и т. п. Въ *l'ka*, *m'ka* при русск. *лука́*, *мука́* (сравн. *го́ка* = *рука́*) нельзя ли видѣть общеслова́нскихъ варіантовъ, какъ въ *g'ba* = русск. *уба* при діалект. *уба́* (я бы не рѣшился ихъ удареніе выводить изъ формъ множ. ч, каковы рус. *лу́ки*, *гу́бы* и т. п., такъ какъ въ такомъ случаѣ я бы ожидалъ нисходящаго ударенія, сравн. сербск. *ду́ше*, *гла́ве*, *ру́ке*, въ слова́нскомъ представляющія выдвигку — *dušê*, *glavê*, *rokê*. Valjaves, Rad XLIV, 64—65, 42)?

Звукъ *чо*, несомнѣнно, чаще является какъ рефлексъ общеслов. *ж*, но онъ можетъ отражать и основное *о*: *k'ž'a* = сербск. *кожа*. Подробное изслѣдованіе всѣхъ случаевъ, гдѣ разбираемый крайне́й звукъ является рефлексомъ общесл. *о*, я пока оставляю до другого раза; но одно сопоставленіе глаголовъ *h'oditi* — *h'odim*, *n'ositi* — *n'osim*, въ которыхъ я также удареніе неопредѣленнаго накл. приписываю вліянію ударенія формъ наст. врем., съ *bl'oditi* и т. п. достаточно, чтобы видѣть разницу рефлексовъ общесл. *о* и общесл. *ж*.

¹⁾ Что это такъ, доказывается и тѣмъ, что при старомъ удареніи на суффиксѣ въ формахъ настоящ. врем. и въ формахъ неопредѣл. не является «оттяжки»: *čaditi* при ф. наст. вр. *čadí*, *kaziti* при *kazím*, но *hvaliti*, *dáviti* при русск. *чади́тъ* *чади́тъ*, *искажи́тъ* — *искажи́тъ*, но *хваля́тъ* — *хваля́тъ*; *дави́тъ* — *дави́тъ* и т. п.

Еще болѣе разница сказывается въ томъ, что, между тѣмъ какъ изъ основного *o* получается при извѣстныхъ условіяхъ звукъ *o*^u, этотъ звукъ почти не встрѣчается въ качествѣ рефлекса *ж*; я замѣтилъ лишь слѣдующіе случаи: 1) *gōs* (ст. сл. *гжсь*) при род *gōsī* «гусь», также *gōsa*, *gōšce*, *gōsji*, *gōska*, 2) *sōper* = *zōper* «вопреки», *sōprstvo* «соперничество» (иначе должно объяснить *sōpet* = *zōpet*, *sōseb*.....: здѣсь я вижу сліяніе предлоговъ *s*, *z* съ основнымъ *o*).

Перехожу къ звуку *o*^u, о которомъ замѣчанія мои будутъ кратки. Такъ какъ этотъ звукъ является рефлексомъ общеслов. основного *o*, то ясно, что съ нимъ можетъ соединиться лишь новая долгота. Эта новая долгота можетъ быть или общесловянской, или общееужнословянской, или специально словѣнской. Перваго или второго рода долгота должна быть признана въ формахъ имен. Вин. ед. ч. словъ муж. р., оканчивавшихся въ общесловянскомъ яз. на *ъ*, и женск., оканч. въ общесл. на *ь*, каковы *bōg*, *bōr*, *gōst*, *mōš*, *romōš*, *pōt* «потъ», *rōg*, *rōd*, *sorōd* «сродство», заимствов. *rōp*. (нѣм. *Raub*), *sōk* «сокъ», *sōp*. «сопѣніе», *tvōr* 1) «картина» («твореніе»), 2) «нарывъ» 3) «запирание», *tvōr* — *tvōrja* (*dehōr*—*ja*) «хорекъ», *gospōd*, *gorkōst* и мн. др. при *o* въ *bōk*—*bōka*, *rōk*—*rōka* «срокъ», *rōv*—*rōva*, *vōl*—*vōla* «волъ»—«вола» (но *vōl*,—*la*—«пиво», сравн. ст. сл. *оловина*); сравните сербск. *bōg*, *bōk*, *bōr*, *vō*, *gōst*, *mōš*, *pōt*, *rōg*, *rōk*, *rōd*, *sōk* (но *sōk* «сыщикъ», ср. др. рус. *сочити*, слово заимствованное, см. Uhlenbeck, Archiv XV, 491), *tvōr* и, *tvōr* «хорекъ», «пластырь», *gōspōd*, *stārōst* и мног. друг. малорус. *bī*, *bīk*, *vīl*, *nīl*, *rīk* и т. д. Третьяго рода долгота, развившаяся, несомнѣнно, въ періодъ обособленной жизни словѣнскихъ говоровъ (хотя сходныя явленія замѣчаются и въ другихъ словянскихъ языкахъ), обязана своимъ происхожденіемъ частію аналогіи, частію указанному выше свойству словѣнскаго языка удлинить ударенные гласные. Такимъ образомъ

аналогіей формы имен. пад. объясняю я формы род. ед. *rōta* (при *roiŭ*), *ḡoda* (при *godaŭ*, *godŭ*), *ḡoga* (при *gogaŭ*), *ḡogves*, *sōka* (при *sokaŭ*) и т. п.: мы бы ожидали **rōta*, **ḡoga*, какъ *ḡka*, сравн. сербск. бога, бока, по́та, ро́да, ро́га, ро́ка, малорус. бо́га, ро́ка и т. п. Появленіе *ou* изъ *o* подъ удареніемъ замѣчается въ особенности при «выдвижкѣ»: *blagō*, *mesō*, *nebo*, *senō*; такъ какъ выдвижка является во всѣхъ двусложныхъ словахъ среднего рода на *o* съ старымъ нисход. удареніемъ на коренномъ гласномъ, то звукъ *ou* по аналогіи переходилъ въ окончаніе вообще всѣхъ словъ среднего рода съ основой на старое *o* и въ положеніи безъ ударенія сокращался въ *u*, а такъ какъ и звукъ *o* діалектически въ нижнекраинскомъ обращается не только въ дифтонгъ *ou*, но и почти въ *ū*, то понятно, почему *u* писали въ окончаніи им. вин. п. словъ среднего рода Труберъ и другіе писатели XVI-го и послѣдующихъ вѣковъ. Плетершникъ въ окончаніи этихъ основъ подъ удареніемъ и безъ ударенія послѣдовательно пишетъ *o*: *sélo* какъ, *senō telo*, но это *o*, конечно, не можетъ произноситься одинаково въ обоихъ случаяхъ уже потому, что безъ ударенія не можетъ быть долготы. Интересно, что *o* пишется иногда и вмѣсто *oX*, т. е. *ou*, чѣмъ иллюстрируется его произношеніе: *sōlnce* «navadno se govori» *sōlnce* (Шкрабець).

Такой же двойкій характеръ имѣетъ и буква *e*, которая пишется для означенія *eī*, т. е. узкаго *e* съ очень слабымъ призвукомъ *i* въ литературномъ произношеніи (въ Люблянѣ), но діалектически въ нижнекраинскомъ переходящаго въ дифтонги *eī* и *ai*: *zvaizda* (слышано мною отъ сторожа на башнѣ въ Люблянѣ), *raisek* «пѣсокъ» (слышано отъ крестьянина между Топлицей и Подтурномъ, нѣсколько часовъ ѣзды къ юговостоку отъ Любляны), *ro caisti* (ibid.); безъ ударенія этотъ звукъ приближается къ *i*. Если мы прослѣдимъ по словарю Плетершника слова, имѣющія букву *e*, мы убѣдимся, что она соотвѣтствуетъ

последовательно общесловянскому звуковому сочетанию *ѣ* и никогда не является вместо общеслов. *д*. При этомъ *е* ставитъ Плетершникъ какъ въ долгихъ, такъ и въ краткихъ и неуда-
ряемыхъ слогахъ: *děd* — *děda*, *grěh*, *brěst*, *sěme*, *senŏ* «сѣно»,
sēm «сюда» (ст. слов. сѣмо), *děl*, *svět* — *světa* «совѣтъ», но
svět *světa* «свѣтъ». Но изъ общаго правила есть цѣлый рядъ
исключеній. Во-первыхъ, *е* не пишется передъ слѣдующимъ *г*,
гдѣ является вместо него *г*: *měra*, *věra*, *sęr* «сѣрый», *seręti*
«сѣрѣть». Во-вторыхъ, есть нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ,
гдѣ является то *е*, то *г*: *е* въ приставкѣ *pre*—и *pred*—, напр.
prebādati, *prebāva*, *prebęg*, *preběl*, *precęp*, *preděl*, *predęūt*, *pred-
dūrje* и т. д., даже подъ удареніемъ въ словѣ *préded* (но *prędje*
prędkinja, *prędnik* *prędno*, *pręk* «поперекъ», *prękāti*, *prę-
kast*); въ словахъ *brème* *brémce* *bremęnce* . . . , приставкѣ *brez*,
hręn—*hręna* (= *хрпнѣ*, польск. *chrzan*), *krės* — *krésa* «высѣчен-
ный огонь», *krėsati*—*kręšēm* «высѣкать огонь», *kresilo* (но *krēs*
«Ивановъ день 24 іюня» и «огонь, зажигаемый наканунѣ»,
«солнцеворотъ», *krėsiti* «зажигать большой огонь»), *mręnje*
«умираніе» (но *mręti*, *mrętje*), *vreme* (по юговосточноштир. и
венгерск. *vreme*), *vrenje*, *zrenica*, *zrenje*, *zrelota*, *žrenje* (но
žreti «жрать», *žretje*, *žrelo* «пасть»). Кромѣ этихъ случаевъ
послѣ *г*, я отмѣтилъ еще: *dęca* (при род. *dęce*, *dęcaj* «дитя»,
dęčak «парень», *dęčec*, *dęček* «мальчикъ») «дѣти», *dękliti*, *deklo-
vāti* «быть дѣвушкою» (но *dękla*, *dęklę*, *dęčla* «дѣвушка», *dęčęl-
ski* «дѣвичій») ¹⁾; *męlj* «мѣлъ» «пѣсчаная отмѣль», вѣроятно

¹⁾ Для доказательства *л* сравните *dikla* у старыхъ чакавскихъ писа-
телей (напр. Нап. *Lucić*, *Robinja*, стих. 123—128, *Stari pisci VI*, 231). Эти-
мологія неясна; мнѣ кажется возможнымъ поставить это слово въ связь съ
dęca (сербск. *djeca* изъ ст. сербск. *дѣтыца*), т. е. выводить «дѣла» или «дѣть-
кѣла», «дѣла» изъ «дѣтъкѣла».

подъ влияніемъ корня *mel* — «молоть» (сравн. *mělek* «удобно растирающийся», «рыхлый», *mělja* «меливо», не слѣдуетъ смѣшивать наше *мѣлкій* = польск. *miałki*); *něža* «нѣженка» (но *něžen* «нѣжный», *něžnočûtje*, *něžnost*); *tésen* и *tesân* «тѣсный», *tésnec* «тѣсная дорога» (но *tesnína*, *tesnóba*, *tesnôča*, *tesnóta*, *tesnopis*, *tesk*, *těšiti* «давить», «сжимать»); *pěteh* «пѣтухъ» (съ отмѣткой среднекрайнею, но правильно *pěteř*, *pětelin*, *pětev*, *pěti*, *pěvati*, *pěves*). Не берусь объяснить всѣ эти случаи, но замѣчу, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ объясняться фонетически, напр., переносомъ ударенія вслѣдствіе оттяжки, послѣдствіемъ чего бываетъ широкое открытое произношеніе (*děca*), нѣкоторые на родной этимологіей (*mělj*), нѣкоторые діалектическимъ произношеніемъ или заимствованіемъ.

Этимъ я заканчиваю свои замѣтки о словарѣ Плетершника. Замѣтки эти не могутъ быть названы изслѣдованіемъ фонетическихъ явленій словѣнскаго языка: на нихъ я смотрю лишь какъ на попытку показать, что можетъ дать для будущихъ изслѣдованій этотъ капитальный трудъ. Изслѣдователь долженъ обладать не только знаніемъ другихъ словянскихъ языковъ, но и хорошимъ знакомствомъ съ словѣнской діалектологіей; это условіе необходимо ему для выдѣленія элементовъ разныхъ словѣнскихъ говоровъ, пестрящихъ нерѣдко знаніе, воздвигнутое на нижнекраинской основѣ. Вторженіе этихъ элементовъ неизбежно при возникновеніи всякаго литературнаго языка, задача котораго должна состоять не въ томъ, чтобы переучивать всѣхъ говорить по одному образцу, а въ томъ, чтобы быть по возможности понятнымъ представителямъ всѣхъ діалектовъ. Вслѣдствіе этого точность обозначенія звуковыхъ оттѣнковъ съ точки зрѣнія одного говора, значительно возвышая научное достоинство словаря, не должна, однако, служить средствомъ, какъ это замѣтилъ покойный Облакъ въ своей рецензіи (*Archiv*

XV, 600), для достиженія «правильнаго» произношенія въ литературномъ языкѣ¹⁾).

Въ своей статьѣ я старался лишь собрать матеріалъ, который даетъ намъ словарь Плетершника, и освѣтить его, по крайней мѣрѣ по одному вопросу, сравненіемъ съ другими словянскими языками. Если этотъ матеріалъ окажетъ помощь при послѣдующихъ изслѣдованіяхъ, я сочту рѣшеніе своей задачи на первый разъ удовлетворительнымъ.

¹⁾ Ударенія въ своемъ словарѣ Плетершникъ ставилъ по произношенію нижнеукраинскаго нарѣчія, но Шкрабецъ въ указанныхъ выше мѣстахъ «Cvetja» нерѣдко отмѣчаетъ отступленія этой постановки отъ того типа удареній, который онъ считаетъ нормальнымъ для нижнеукраинскаго нарѣчія. Отступленія эти, касающіяся частію мѣста ударенія, частію его качества, для первыхъ двухъ выпусковъ словаря на основаніи показаній Шкрабца были отмѣчены и Облакомъ въ Archiv f. sl. Phil. XV, 599. Но рѣшить, суть ли отступленія Плетершника неточность, или основаны на діалектическомъ колебаніи въ средѣ одного нарѣчія, я пока не могу, не говоря уже о томъ, что такіа тонкости, какъ различіе нисходящаго и восходящаго удареній требуютъ большой чуткости слуховыхъ органовъ и не давались даже такимъ тонкимъ знатокамъ дѣла, какъ Облакъ. Во всякомъ случаѣ, различія Плетершника и Шкрабца должны быть приняты въ расчетъ всякимъ, кто захочетъ заняться изслѣдованіемъ нижнеукраинскаго ударенія.

NARODNA IN UNIVERZITETNA
KNJILNICA

00000481877

